

Константин Давлетшин

Главная роль

16+

Константин Тамерланович Давлетшин

Главная роль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54173010

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта книга вмещает в себя огромный и удивительный мир. А точнее – миры. Жизнь на волшебных райских островах посреди Тихого океана, странные обычаи аборигенов, любовь прекрасной туземки. Трагические и неожиданные события пришлось пережить русскому моряку Алексею Лаврову после кораблекрушения.

Содержание

Вспышка в ночи	4
На двери	12
Летучая рыба	15
Линкор	20
Пароход «Василий Песков»	27
Князь Голицын	31
Порт-Артур	35
Остров	51
Теория прицеливания	57
Большой Хэнк	62
Другая сторона	68
Знакомство с местными	77
Деревня	82
Красный цветочек	86
Дом вождя	92
Островная жизнь	100
Барон фон Курицын	104
Жизнь с Ма-Фи	111
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Вспышка в ночи

Да... гражданский сухогруз это вам не огромный линкор! Линкор – это сила и мощь, один его вид наводит на врагов ужас и трепет! Огромный, длиной в четверть километра, корабль вооружён десятками стволов разнокалиберной артиллерии, начиная от зенитных пулемётов, коих на корабле установлено без счёта, и заканчивая орудиями главного калибра со стволом диаметром с локоть. Защищён корабль так, что в некоторых местах борт прикрывают броневые плиты в полметра толщиной. Экипажа на нём с небольшой городок – без малого две тысячи человек. Мощнейшая силовая установка ворочает сразу четыре огромных винта и в лёгкую разгоняет корабль до рекордных двадцати пяти узлов! Если бы линкор участвовал в соревнованиях наравне с гражданскими лайнерами, то «Голубая лента Атлантики» навсегда бы осталась у нас в рубке. Четыре трехорудийные башни за один залп выбрасывают в воздух шесть тонн стали и взрывчатки, и могут на счёт «раз» отправить на дно весь флот какой-нибудь Голландии с Данией и Швецией в придачу! Командует кораблём настоящий морской волк – суровый, молчаливый каперанг с седой как балтийская волна головой и с красным, обветренным лицом. В борьбе с морем, врагом и экипажем ему помогает высокий, широкоплечий старпом с внимательным, сверлящим взглядом и врождённым умением

ем задавать неудобные вопросы, крепкой командирской рукой. Железную дисциплину на корабле обеспечивает боцман со зверской рожей, лужёной глоткой и пудовыми кулаками профессионального боксёра.

А «торгаш» – он и есть торгаш, на нём всё не так! Капитан – добродушный дедушка, с аккуратной шкиперской бородкой, экипажа человек тридцать, слабосильный моторчик еле еле толкает вперёд перегруженное корыто. Если нужно показать всю прыть да удаль, и оставить за флангом весельные и парусные лодочки, то капитан, как следует собравшись с духом, торжественно произносит магические для экономного торгового флота слова «полный вперёд!». На всём судне сразу начинается всеобщая суматоха: матросня бестолково бежит по палубе, всей толпой хватаются то за швартовы, то пытаются отдать якорь. Пока одни с деловым видом открывают-закрывают трюмные крышки, другие, подгоняемые старшиной палубной команды, раскатывают по палубе пожарные рукава, на тот случай, если паровая машина вдруг полыхнёт и взорвётся. «Полный вперёд!» – это вам не шутки, такое раз в жизни бывает! Несколько умников неожиданно забираются на единственную мачту и прикладывая ладони к глазам таращатся вдаль. Капитан удовлетворённо, с любовью, смотрит на бестолковые метания команды, и, приложив руки к груди, ласково называет это «общесудовыми работами», которые «сплывают команду как гвоздями!». Хотя это – форменный бардак, на военном флоте за такую «сплочённую

работу» одна награда – карцер, а при царях ещё могли и зубы дать. Конец бестолковщине на судне кладёт зычный крик боцмана: «по местам стоять, всем бегом в кочегарку!». (Не представляю, как это можно сделать одновременно: стоять и бежать?)

Тем временем в машинном отделении уже царит паника, граничащая с истерикой: никто не знает, что делать! (Для тех, кто не в курсе. «Дать полный вперёд» – это слегка посложней, чем надавить педаль газа в пол.) После нескольких бесплодных попыток, опомнившись, бегут, будят старого механика, который начал службу на судне ещё при царе. Он, крихтя, молясь и охая спускается в машину и открывает какие-то секретные вентили и задвижки. Два вахтенных кочегара и толпа помощников, которых пригнал боцман, толкаясь и мешая друг другу судорожно поддают жару в котлах. «Торгаш», дрожа и извергая клубы чёрного дыма и пыли, нехотя разгоняется до невиданной скорости: аж восемь узлов, о чём гордо и громко, чтобы все слышали, сообщает штурман, по старинке отсчитав узелки на лине! Собравшийся на мостике комсостав радуется, обнимается, хлопает друг друга по плечу и глубокомысленно поздравляет: «наша старушка ещё, это, как его, того! Может, когда надо! Вот!».

Но это счастье ненадолго, старая лоханка начинает лихорадочно трястись, стонать всеми агрегатами, молить о пощаде и разваливаться на ходу. Капитан спохватившись кричит «малый, малый давай», в машине облегчённо вздыхают

и стравливают излишек пара в ревун, оглушая противным свистом окрестности на много миль вокруг. Всё! Представление закончилось. Зато потом все, от капитана до последнего матроса, будут рассказывать об этом рекордном забеге, как о чему-то исключительном во всемирной флотской истории, естественно обильно снабжая рассказ несуществующими подробностями.

Корабельная служба тоже организована «по-торгашески». Точнее она у них «судовая» – это же судно, а не корабль. Если на линкоре на вахту заступает сразу человек двести, то здесь всего пятеро: я – старший помощник капитана, сейчас за старшего на судне, со мной рулевой и в машинном отделении два кочегара и механик. К такому раскладу я не привык, на боевом корабле жизнь кипит круглосуточно, а здесь что днём, что ночью ничего не происходит. Вообще! Ни учебных тревог, ни боевых стрельб, ни авральных работ, совершенно ничего! Тишь да гладь, да божья благодать! Тут от скуки свихнуться можно. Тоска! Ладно, пойду вниз на палубу покурю, на небо посмотрю, развеюсь, а то от безделья уже глаза слипаются.

Я вышел на палубу и сел на лавочку, тут стоит обычная садовая скамейка, стыренная с одесской набережной, точно говорю – плавучая деревня, закинул ноги на борт и раскурил длиннющую кубинскую сигару. Эх, красивая ночь! Огромные, непохожие на наши, южные звезды, вокруг безбрежный Тихий океан, ветер неспешно ворочает черные валы воды,

изредка слышатся всплески волн и тишина... Я первый раз в жизни пересекал Тихий океан, и, чтобы не говорили: вода – она везде вода, отличия всё же имеются. Не так, чтобы они сильно бросались в глаза, но тут всё дело в нюансах! И волны тут чуть повыше и форма у них чуть не та, ветер слегка посильнее дует, и тоже как-то не так! И вообще такое внутреннее ощущение, что здесь воды, воздуха и пространства явно больше, чем обычно! Непонятные чувства какие-то, но мы же знаем: дьявол прячется в деталях!

Мне было интересно присматриваться и искать неувидимые различия. Во время военной службы я вообще «большой» воды не видел – весь советский флот крутился исключительно в Балтийской луже, за дальний поход считалось плавание до Таллина, это всего-то часов двенадцать хода. Вот особенность военной службы! Десятки поколений моряков и сотни кораблей так и прослужили ни разу не выйдя в настоящее море! Даже мой огромный линкор, для которого на Балтике просто не было ни места, ни достойных соперников, так и проходил до самого списания, по мелководью, ввиду берега! А сколько таких линкоров и крейсеров было на Балтике? Десятки! А с парусными, то сотни! Тепличные условия Балтики стоили жизни десятками кораблей и тысячам моряков: попав в настоящий шторм в настоящем море, у командиров наших кораблей не хватало опыта, а у экипажей выучки для борьбы за живучесть.

Зато сейчас передо мной бурлит настоящий океан! Вот

только что нас этой дорогой понесло? Быстрее, проще и безопасней было бы подняться от Чили вдоль западного берега Южной Америки, нырнуть в Панамский канал, а там до Одессы рукой подать! Но одесское начальство вдруг узнало, что около европейских берегов появились немецкие рейдеры, которые пытаются нарушить английское судоходство, и приказало нам идти вкруговую! Да нам-то что их бояться!? Во-первых, у нас с немцами договор о ненападении, а во-вторых, они на своих переделанных гражданских судёнышках, вооружённых парой мелких пушечек, уже два года в тех краях рыскают, но толку от этого пока ноль, ну, почти ноль. Зато из-за штабных перестраховщиков нам предстоит проделать путь в четыре раза длиннее и возвратиться домой через Тихий и Индийские океаны. Почти кругосветка, однако! Что-то восточный ветерок свежеть стал, к шторму наверно, пойду-ка в рубку, возьму бушлат.

Только подошёл к трапу, как слева по курсу, на горизонте увидел короткое ярко-оранжевое зарево! Ничего себе! Я вспышку бортового залпа никогда ни с чем не перепутаю! Только кому понадобилось стрелять по гражданскому корыту? Военно-морская выучка у меня ещё никуда не делась, я бросился наверх и на бегу стал выкрикивать команды:

– Боевая тревога! По местам стоять! Лево на борт! Левая машина – стоп! Правая – полный вперёд! Люки задраить по-боевому! Ходовые огни погасить! – только зря я кричал, здесь мои команды выполнять некому!

Хорошо, что до рубки не успел добежать! Наше судно накрыло первым же залпом! Черт подери! Кто-то очень хорошо умеет стрелять! Первый снаряд попал в надстройку, разворотил в ней все переборки и выбил двери. От сотрясения иллюминаторы брызнули в разные стороны осколками стекла! Снаряд прошил жестяную надстройку на вылет и взорвался уже в воде, здорово повредив противоположный борт. А вот второй... второй пробил корпус в районе ватерлинии и взорвался внутри! Старый сухогруз лишившись здоровенного куска борта и части палубы, сразу треснул пополам и начал тонуть. Взрывной волной меня подбросило вверх и швырнуло за борт. Со всего маха я ударился обо что-то твёрдое в воде и от боли чуть не потерял сознание. Вынырнув я увидел плавающую в воде большую дубовую дверь от капитанской каюты, схватился за неё, отдышался и стал звать своих. Тут кормовая часть судна со страшным скрипом отломилась и сразу ушла под воду. А ведь там находились все кубрики экипажа, похоже, они даже проснуться не спели... Засвистели и окутались паром рваные трубопроводы, по воде стало растекаться горящее топливо, носовая часть встала в воде вертикально и через полминуты судно полностью скрылось под водой.

И наступила тишина. Полная! Как на кладбище. Я продолжал кричать, но никто не отзывался. Неужели я остался один?! Ещё минуту назад здесь было большое, гружёное чилийской рудой, судно, а теперь только волны. И я! Один. Ме-

ня свела нервная судорога. Жуть! Лучше было бы погибнуть вместе с судном, чем мучительно умирать в одиночку среди океана. Надежд на спасение в этих водах никаких.

На двери

Восточный ветер усилился, волна стала подниматься, небо заволокло тучами и начался шторм! Только этого не хватало! Я быстро залез на дверь, вынул из штанов ремень, один его конец привязал к большой, сверкающей начищенной латуню дверной ручке, а другой обмотал вокруг своей руки. Если меня скинет в воду, а меня обязательно скинет, то я хоть не сразу утону! Я прижался к двери, обхватил её обеими руками и приготовился. Первый вал налетел незаметно. Меня резко, как на трамплине, подкинуло вверх, дверь оторвалась от гребня и спланировала вниз.

Удар об воду плашмя был ужасен! Я отбил все ребра и колени, а внутренности похоже оторвались и болтались в животе сами по себе. Черт! Надо что-то срочно делать! Пока я корчился от боли и судорожно соображал, налетел второй вал. В самой верхней точке я почувствовал, что у двери образовался дифферент на корму, то есть она перевешивает назад, и понял: вот почему она не ныряет в воду, а падает плашмя! Я быстро подтянулся вперёд и поджал под себя ноги, центр тяжести сместился, дверь клюнула носом и плавно вошла в воду! Я бы даже сказал мягко. Не зря я с отцом в детстве делал модельки планеров! В полёте центровка решает всё! Третий вал я встретил без страха, умудрился не сорваться с волны, и не удариться об воду. Сколько потом

было этих валов я не знаю, сначала я их считал, в очередной раз пытаюсь проверить теорию «девятого вала», а потом сбился. Теория, кстати, полная ерунда, нет там никакой системы! Несколько раз меня скидывало с двери и несколько раз я больно ударялся об неё головой, сильно разбил бровь, но держался за дверь мёртвой хваткой.

Шторм закончился так же внезапно, как и налетел. Ветер вдруг стих и на востоке показалось восходящее солнце. Я приподнялся, оглянулся по сторонам, насколько хватало глаз был почти штиль, ветер погнал грозу дальше на запад, и вдруг чувствую – всё! Нет уже моих сил. Я лёг на дверь, закрыл глаза и сразу заснул.

Проспал я долго, когда открыл глаза, солнце уже прошло зенит и клонилось к западу. После вчерашнего всё тело ныло, в разбитую бровь попала солёная вода, пол-лица опухло, а глаз полностью заплыл. Колени я отбил об дверь так, что ноги казались деревянными и тоже страшно болели. Вообще болело всё! Каждая косточка, каждый мускул и каждый орган! В добавок ко всему страшно трещала голова, похоже я небольшое сотрясение мозга заработал. Но больше всего хотелось пить! Шершавый язык почти присох к небу. Вот парадокс: кругом вода, много воды, целый океан воды, только пить её нельзя! Солёная, как крутой рассол, вода жажды не утолит. От неё ещё сильнее пить захочется. Хотя, это ещё как сказать, огуречный рассол с утреча очень даже в тему бывает!

Пока я размышлял о пользе утреннего рассола, и пытался себе внушить, что океанская вода – это тоже живительная утренняя влага, чувствую – солнце стало жарить. Башка и так трещит, солнечного удара только мне не хватало. Окунулся в воду прямо в кителе, немного полегчало, но голову всё равно печёт. Залез обратно, свернулся в позу эмбриона и натянул китель на голову. Но как только солнце нагрело чёрное, мокрое сукно под ним стало нечем дышать. Черт... я так долго не протяну. Хоть бы дождь пошёл! Но небо было ясное и солнце ослепительно играло в волнах. Такую картину интересно наблюдать, лёжа в шезлонге на палубе прогулочного лайнера и лениво потягивать коктейль в обществе привлекательных девушек, легкомысленного возраста. А с уровня воды всё выглядело не так весело. Во-первых, никаких дам не было на сотни, если не на тысячи миль вокруг. Во-вторых, дверь набрала воды и уже почти не выглядывала над поверхностью, пришлось лежать прямо в воде, от солнечных бликов и соли резало единственный глаз, а также жажда, голод и жара. В общем полный джентльменский набор. Ещё очень хотелось курить. Ну просто зверски.

Следующая ночь прошла ужасно, это днём жара, а ночью вдруг стало холодно! Вот чего уж совсем не ожидал! Хотя ночью, по российским меркам, была прекрасная погода: плюс пятнадцать градусов! Но я был мокрый, дул свежий ветер и меня постоянно заливало волной! Так никогда не согреешься! Только под утро всё стихло, и я впал в забытьё.

Летучая рыба

Проснулся я от кашля-горлодёра и крика чаек. Десятки птиц летали вокруг, вопили, дрались, ловили рыбу и периодически пытались меня клонуть! Больно же они клюют оказывается! Даже через китель чувствительно! Я вскочил на ноги и стал отмахиваться от них ремнём. Пряжка на ремне очень серьёзное оружие, а правильно махать ремнём я научился ещё во времена хулиганской юности, поэтому всего через пару минут первая чайка жалобно запищала и сложила крылья. Она упала в воду и стала медленно дрейфовать в сторону. Вот она еда! Я уже собрался прыгнуть за ней, хорошо, что не успел! Прямо подо мной, на глубине всего-то пары метров медленно проплыли несколько длинных теней. Акулы! Только этого мне не хватало! Сверху пикируют чайки, а снизу подстерегают акулы! Куда моряку деваться? Но обошлось, акулы дальше поплыли своим курсом, а чайки ещё половили рыбу и отправились в сторону берега. Точно берега! Как же я сразу не сообразил! Ночуют-то они на берегу и в море далеко не залетают. Я встал в полный рост и попытался разглядеть землю. Но над водой поднялось марево из испарений и ничего не было видно. Но направление я запомнил.

Я стал мучительно вспоминать, вроде же тут есть какие-то мелкие островки, с дурацким названием, то ли Буфф, то ли Басс, то ли Блеф... Но от жары и жажды мозг заклинило,

и я вспомнить ничего не смог. В голове застряла только одна мысль – пить! От безысходности всё же попробовал пить морскую воду. Зря. От неё стало тошнить. Я снова свернулся калачиком, накрылся кителем и попытался заснуть. Волны быстро укачали, и я вырубился.

В чувство меня привёл сильнейший раскат грома! Такое ощущение, что он ударил мне прямо в макушку! Отлично! Сейчас будет ливень, лишь бы не заштормило. Я быстро скинул китель, снял тельняшку, и разложил её на руках. Дождь, под раскаты грома и вспышки молний, полил как из ведра! Тельняшка быстро набрала в себя воды, и я с упоением выжал её себе в рот! Первая вода за два дня! А какая вкусная... словами не передать! Хотя передать. Соль, пот и грязь. Но тогда она мне показалась коктейлем из амброзии и эликсира молодости! Кругом бушевала стихия, тонны воды обрушивались мне на голову, грохотал гром, сверкали молнии, а я как блаженный стоял на коленях посреди океана и воздевал руки к небу! Давай, давай ещё!

Утром я чувствовал себя значительно лучше, только кашель усилился. Зато в голове появилась некоторая ясность, промытая чистой водой рана на брови, перестала саднить, опухоль спала, и я посмотрел на мир обеими глазами. То, что я увидел мне понравилось! Даже очень! Далеко в море из воды торчала небольшая чёрная горушка, как раз в том направлении, в котором улетели чайки! Я обрадовался, стал бегать по двери как сумасшедший и кричать «земля, земля!», пока

не упал в воду! Потом успокоился и попробовал сориентироваться, но определить расстояние до неё было невозможно, зато течение, похоже, само тянет меня в нужную сторону. Осталось только ждать и надеяться. Грести мне всё равно нечем, да и бороться с мощным океанским течением бесполезно.

День прошёл как... даже не знаю, как он прошёл, в общем как-то прошёл. Дверь ушла под воду почти на пять сантиметров и лежать на ней стало невозможно. Я сидел на корточках и пытался удержать равновесие. Когда затекали ноги я вставал и смотрел на черневшую на горизонте гору, которая совершенно не приближалась, или болтался в воде. Почему-то акулы перестали меня пугать. Меня вообще перестало что-то пугать, радовать, волновать, веселить и расстраивать, наступила полнейшая апатия. Снова жажда, голод и жара. Никаких человеческих эмоций не осталось, только животные инстинкты: жрать, пить, жрать, пить, пить и ещё раз пить! Хоть бы чайки прилетели или дождь пошёл!

Ночью прошёл небольшой дождик, и я хоть немного напился. На утро я увидел на горизонте уже целую гряду торчащих из воды горок! Это существенно лучше! Это похоже на вылезший на поверхность подводный хребет, значит течение его огибает, и меня несёт как раз на него. Шансы добраться до земли значительно повышаются. Мимо цепочки островов сложно промахнуться! Но теперь это меня не сильно обрадовало, шансы сдохнуть от голода и жажды стали значительно

но выше, чем ещё вчера. Сил уже никаких не осталось. Я свернул китель, положил его под голову, лёг прямо в воду и закрыл глаза. К чёрту всё! Будь, что будет!

Очнулся я от чувствительного удара в ногу! Открываю глаза, а прямо передо мной трепыхается летучая рыба! И большая такая, как селёдка! Вот она, мечта идиота! Как в сказке, еда сама прыгает ко мне в рот! Я быстро схватил рыбу руками, но скользкая тварь стала бить хвостом и вырываться! Но я своей добычи не упущу! «Врёшь, не уйдёшь!», и я матерясь вцепился в неё зубами! Вот это подарок судьбы! Наверно на небе решили, что мне ещё рано помирать и дали мне возможность ещё помучиться! Я достал нож, выпотрошил рыбу и жадно съел её прямо сырой! Пока я ел из воды вылетело ещё несколько рыб, а потом их как прорвало! Десятки рыбин начали выпрыгивать вокруг меня из воды! Я схватил китель, расправил его как тореадор, и стал сбивать им рыбу. Я махал кителем направо и налево, бросался на сбитую рыбу как голодный тигр, и через десять минут набил ею все карманы! Жизнь сразу стала намного лучше! Вот бы ещё водички попить, до полного комплекта!

Черт! Как мало человеку нужно! Ещё несколько дней назад я не представлял себе жизни без крепкой гаванской сигары, а теперь как дурачок радуюсь дождю и сырой рыбе!

На утро гряда островов стала видна совершенно отчётливо. Я позавтракал рыбой и снова стал пытаться определить оставшееся расстояние и направление движения. Не хоте-

лось бы, чтобы течение пронесло меня мимо! По всем прикидкам выходило, что меня несёт как раз на третий по ходу остров, но в лучшем случае я смогу пристать к нему завтра поздно вечером, или даже хуже – ночью!

Как же долго тянется время. Такое чувство, что я стою на месте. Острова вообще не приближаются. Я съел ещё одну рыбёшку, но уже без аппетита. В карманах кителя она стала тухнуть. Только отравиться не хватало! Простуду я уже заработал, теперь ещё расстройство желудка будет. Ну хоть что-нибудь сегодня случится? Я уже стал привыкать к своему новому положению и мне снова стало скучно. Опять тоска! Вот на военном флоте не заскучаешь, не то что здесь.

Линкор

А как всё красиво начиналось! В тридцать четвёртом году я закончил военно-морское училище в Ленинграде, и попал служить на Балтику, эсминец «Борзый». Там, правда, мне пришлось сразу переквалифицироваться из штурманов в артиллеристы. Но новая служба мне даже понравилась, и я быстро её освоил. За отличную боевую выучку через три года меня перевели сначала старшим артиллеристом на крейсер «Чапаев», а ещё через год на флагман Балтфлота – линкор «Мировая революция». А это очень серьёзное продвижение по службе.

Служба у меня шла как по накатанной, пока зимой 39-го в Кремле не решили, что финская граница проходит подозрительно близко от Ленинграда и пора бы её сдвинуть подальше. Рабоче-крестьянские полководцы вполне серьёзно считали, что нам достаточно только посильней шапкой размахнуться как перепуганные финны сразу разбегутся в разные стороны. Мы же «непобедимая и легендарная...»! Но не тут-то было! Финнами командовал бывший царский офицер, который догадывался о таком раскладе, и заблаговременно построил целую цепь бетонных укреплений, скромно назвав её своим именем.

Пока наша армия и авиация с большим трудом и огромными потерями штурмовала «линию Маннергейма», кто-то из

лишние инициативный, на самом верху, вдруг вспомнил: а где же наш прославленный Красный флот? Может хватит ему болтаться на внешнем рейде Кронштадта, пора бы уже показать себя в бою! Комиссары, конечно большие и очень опытные стратеги, поэтому боевую задачу флоту поставили примерно так: «а ну-ка давайте обстреляем финнов с моря! Покажем им где раки зимуют!».

Сказано – сделано! Линкорную эскадру подняли по тревоге и чуть ли не пинками выгнали в море. Но линкор – не ледокол, Балтика-то зимой замерзает, но кабинетных флотоводцев такие тонкости не волнуют, им главное: давай-давай и поскорее! Три линкора, пять крейсеров и восемь эсминцев построились гуськом, то есть в кильватерную колонну, и тихим ходом потащились за ледоколами «воевать Финляндию».

Единственная финская береговая батарея была вооружена пушками времён царя Гороха, и никакой угрозы никому не представляла, ну разве что собственной орудийной прислуге и случайным чухонским рыбакам. Тем недобрый утром расчёт на батарее страшно удивился, увидев медленно выползавшие из-за горизонта главные силы Балтфлота! От удивления финны впали в полную прострацию, и смогли открыть ответный огонь, только через пять минут после начала стрельбы. Зато наши корабли открыли сумасшедший огонь и стреляли не переставая, и залпами, и одиночно, и дублетами, и триплетами. Прямо музыка! Финны беспорядочно и

хаотично отстреливались, и даже изловчились уложить один снаряд в ста метрах от нас! Это называется – прицельная финская стрельба на поражение.

За линкорами глухо ухали залпами крейсера и непрерывно трещали очередями эсминцы, которые на радостях ввели в бой всю наличную артиллерию, включая мелкокалиберные пулемёты. Наверно даже из личных пистолетов стреляли! Но как на эсминцах не старались, все их снаряды ложились с большим недолётом. Хотя это совсем не помешало их командирам доложить о нескольких прямых попаданиях в финскую батарею! Зато линкорный главный калибр крушил одну огневую точку за другой. Точек, правда, было всего аж целых три штуки, но мы тоже считали каждое прямое попадание за отдельную огневую точку. Когда исход боя стал ясен всем, кроме совершенно обалдевших финнов, я ушёл с Главного поста корабля и занял место в дальномерном посту на крыше первой башни. Там значительно интересней.

Ба-ба-бах! Ба-ба-бах! Красота! Орудийная башня вздрагивает, из стволов вылетают огненные шары, которые сразу сливаются в один, раздаётся оглушительный грохот, от которого лопаются и трещат барабанные перепонки, весь горизонт впереди окутывается серым дымом. Как он рассеется, я смотрю в окуляр дальномера: есть попадание! Перезарядка, где-то в глубине, в подбашенных помещениях, зажужжали элеваторы, лязгнули орудийные замки, зашевелились стволы и снова: ба-ба-бах, ба-ба-бах... и тут труба дальномера по-

чему-то летит влево, кресло подо мной проваливается, неведомая сила подхватывает меня и швыряет вниз!

...Черт! Как же больно! В ушах стоит дикий звон, из ноги хлещет кровь, я катаюсь по полу поста и ничего не пойму! Как из тумана ко мне тянут руки несколько матросов, как рыбы открывают немые рты, подхватывают и куда-то тащат. От боли я взвыл в голос, но не услышал сам себя, только звон в голове! Боль в ушах стала совсем невыносимой, словно кто-то пытался через ухо продырявить гвоздём мне мозг! И тут я, похоже, вырубился.

Очухался уже в корабельном лазарете. Голова замотана бинтами, в ушах продолжает звенеть, а ногу ниже колена я не чувствовал. Где она!? Неужели оттяпали? Я резко сел на кровати и схватился за ногу. Ух, на месте! И тут резкая боль снова ударила в голову, в глазах помутилось, я повалился на бок, схватился за черепушку и тихо завыл. Черт, как же больно...

Кто-то стал вежливо трясти меня за плечо, приоткрывая один глаз, передо мной стоит, согнувшись наш корабельный хирург, что-то говорит, но голоса я не слышу. Ну и замотали, ничего не слышно! Я оттянул в сторону повязку на голове, но слышимость не улучшилась! Я сказал хирургу, чтобы говорил громче, но к своему ужасу сам себя не услышал! Я испугался, резко сел на кровати и стал срывать с головы бинты, хирург пытался мне помешать, но я врезал ему под

дых локтем. Слух не вернулся. Я взял голову обеими руками немного потряс и попытался сосредоточиться. Не помогло...

Через три месяца Центральный военно-морской госпиталь списал меня с корабля на берег. Ну в общем-то они правы, кому нужен хромой и глухой на одно ухо офицер? Какой от меня толк?

Тогда на корабле случилось, то, о чём я неоднократно предупреждал командование. Построенный ещё тридцать лет назад корабль имел ресурс всего по 250 выстрелов на ствол, после чего трубу в стволе, а лучше весь ствол целиком, необходимо менять. Я вёл скрупулёзный подсчёт каждого выстрела и докладывал командованию, что орудия на корабле требуют срочной замены. Но кто у нас принимает решения? Комиссары! Бывшие «идейные» рабочие и матросы с образованием в лучшем случае три класса или вообще без оно-го! Они начали кричать, что я хочу вывести из строя самый сильный и мощный корабль Красного Флота, обзывали меня провокатором и грозили натравить на меня «органы» если я не замолчу!

– Советский корабль обязан вести бой до последнего снаряда, невзирая на трудности, потому что рабоче-крестьянский экипаж, ведомый вперёд единственно верным учением Ленина-Сталина должен задушить империалистическую гидру в её логове!

Даже не знаю, как это прокомментировать. Наверно един-

ственное подходящее определение – идиотический бред!

Ясно, что с таким идейным подходом к ведению боевых действий, корабли вышли в море имея остаток по ресурсу примерно по тридцать выстрелов на ствол. Хорошо, что на Балтике нам не с кем воевать, а то мы самый настоящий флот самоубийц! Нам было бы проще самим затопить свои корабли прямо в порту! Но я зря переживал, когда узнал о характере цели, то успокоился. Три линкора, 27 стволов главного калибра, почти пятнадцать тонн суммарный вес бортового залпа, думаю раз пять-семь пальнём по финнам и назад. Должно хватить.

Но гладко было на бумаге... Похоже в смутные времена Гражданской войны, двух матросских бунтов и послереволюционной неразберихи с командирами, на корабле никому и в голову не приходило считать выстрелы! На 230 выстреле у правого орудия оторвало дульный срез, одновременно ствол среднего орудия раздуло изнутри, и он раскрылся «розочкой»! Тысячи закалённых осколков полетели во все стороны кося личный состав. Взрывной волной меня ударило головой о броню башни и один из осколков распорол мне правую ногу до кости порвав все сухожилия.

За разрыв стволов назначили виноватым старшего артиллерииста корабля, то есть меня. Естественно, а кого ж ещё! Но я не деревенский дурачок как они думали! На разборе я выложил высокой комиссии увесистую пачку своих рапортов о состоянии орудий. Надо отдать должное, комиссия справед-

ливо во всем разобралась и нашла настоящих виновников.

Говорят, Сталин лично, по докладу комиссии, определил кому, сколько и чего дать. Со мной поступили по-честному: наградили орденом Красного Знамени и... отправили дослуживать на берег! Но сидеть на складе и считать тухлые портянки – занятие недостойное морского офицера. Я нажал на кое-какие связи и через три месяца оказался в Одесском морском пароходстве на борту старого ржавого корыта – сухогруза «Вася Пупкин».

Пароход «Василий Песков»

Про пароход «Вася Пупкин» нужно рассказать особо. В момент рождения он было наречён просто и бесхитростно – «Тамбов». Он, наверно, тихо и незаметно прожил бы свой корабельный век, как спокойный провинциальный городок, в честь которого назван, не случись Русско-Японская война. Не знаю, какие звезды сошлись вместе на небосклоне, или на погонах в Адмиралтействе, но ранней весной 1905 года с парохода внезапно сняли почти всю гражданскую команду и заменили её флотским экипажем.

Командиром стал бравый кавторанг (капитан второго ранга) Василий Песков, двухметровый богатырь с курчавой бородой до самого пупа. Команду ему подобрали особенно «тщательно»: исключительно из числа штрафников, в том числе офицеров, даже судовым попом стал списанный за богохульство корабельный священник крейсера «Паллада». Всё это безобразие в целях маскировки получило пышное наименование «Добровольческий флот». Вроде как, это самые обычные гражданские матросы-добровольцы, и совсем даже не военные моряки.

В Одессе судно под самую завязку загрузили провиантом и медикаментами, и дали командиру секретный приказ: следовать на Дальний Восток и любой ценой прорваться к окружённой японцами русской крепости Порт-Артур. Понятно,

что «любой ценой» для русских означает совсем не деньги. Чтобы шансы на прорыв повысились, на носу и корме судна установили по пушке, замаскировав их досками. Местные плотники ничего умнее не придумали, как соорудить вокруг пушек небольшие избушки! Буквально избушки! Для полного сходства с деревней не хватало только кур с поросятами. Потом командир приказал эти образцы деревенского зодчества разобрать и сжечь в топке, а пушки завалить мешками с песком.

Прямо скажу: следовать на таком «сильно вооружённом» корыте в плотно окружённую и с моря, и с суши крепость Порт-Артур – верное самоубийство! Но, в русских штабах далеко не дураки сидят, знают кому какой приказ давать! Так уж повелось на Руси, что именно пьяницы, разгильдяи и прочие раздолбаи в трудной и опасной обстановке проявляют чудеса героизма, находчивости, отваги и смелости! А примерные отличники как раз начинают пасовать и теряться.

Выйдя в море Песков построил всех и в полной тишине зачитал боевой приказ: отныне мы французский гражданской пароход, следуем на Аляску за пушниной, с заходом в осаждённый Порт-Артур! Услышав приказ, экипаж обрадовался, стал кричать «Ура!», потом торжественно, с целованием креста и знамени, присягнул жизнь положить, но в Порт-Артур прорваться!

Сразу после присяги, списанный с Черноморского флота за пьянство и разврат, бывший флаг-штурман кавторанг

князь Вяземский, вдруг вскочил, замахал руками, закричал и быстро убежал в свою каюту. «Совсем свихнулся от пьянки», подумали многие, знакомые с его прошлыми выходками. Но Вяземский, громко пыхтя и как-то воровато озираясь, через пару минут вытащил на палубу два тяжелых чемодана. На палубе он упал на колени, осенил себя крестным знаменiem, три раза отбил поклон о палубу и подняв руки к небу поклялся до конца похода водки в рот не брать! Потом открыл чемоданы, и все увидели, что они под завязку забиты самыми разнообразными бутылками! Ровные ряды бутылок составляли всё его имущество! Вяземский взял первую бутылку, поцеловал её, погладил как родную, даже всплакнул чуть-чуть, прижал к груди, и.... выкинул за борт! Затем взял вторую, снова поцеловал и погладил, что-то тихо прошептал и отправил её вслед за первой. Остальные бутылки не вызвали у него прилива горячих чувств и, с криком полного отчаянья, Вяземский выкинул их за борт без всяких церемоний. Все, до единой! Вслед за бутылками в воду полетели чемоданы.

– Братцы, а чем мы хуже? – Крикнул повеса, дуэлянт и любимец женщин мичман барон Эхлер. И за борт полетело шампанское, марочное вино, разные настойки и наливки, коньяки и арманьяки, но и, конечно, водочка, просто в неизмеримых количествах! После этого бывшие пьяницы, бабники и просто бездельники, как записано у них в служебных формах: «неспособные к флотской службе», преобразились,

дисциплина на корабле стала железной.

Князь Голицын

Один член экипажа отличался от всех остальных – это был князь Голицын, бывший капитан первого ранга, бывший командир броненосца «Таврида», кавалер почти всех орденов империи, разжалованный в матросы лично царём. Иван Иванович участвовал во всех сражениях русского флота за последние сорок лет, прошёл все ступени морской карьерной лестницы от юнги до каперанга, был грамотным морским офицером, смелым и решительным, про таких как он говорят: слуга царю, отец матросам. Хоть князь и принадлежал к известнейшей в России фамилии, но в жизни был человеком простым и неприхотливым.

За два года до этих событий царь на собственной яхте «Штандарт», в сопровождении миноносца «Донской казак», вышел в море с целью лично проинспектировать морские силы Балтийского флота. Корабли флота встали в кильватерную колонну, на мачтах и реях развивались сигнальные флаги всех расцветок, экипажи, наряженные в белую парадную форму, построились на палубах. На баках кораблей сводные оркестры во всю силу лёгких выдували царю «Встречный марш». Всё было строго и торжественно. Царская яхта медленно продефилировала вдоль строя кораблей, эффектно развернулась и остановилась напротив флагмана – броненосца «Таврида». Царь в белоснежной морской форме, встал

на стойке «смирно» и ожидая встречного салюта поднял руку в воинском приветствии.

На «Тавриде» не растерялись, поприветствовали царя-батюшку как положено. Молодой мичман, командир первой башни, так торопился выразить самодержцу свои верноподданнические чувства, что трёхорудийно пальнул в императора пробками! Да-да, теми самыми пробками, которыми закрывают стволы орудий от воды и соли! Одна пробка упала в воду, вторая сбила верхушку мачты царской яхты, а третья приземлилась царю прямо под ноги! На яхте все оцепенели от страха.

Увидев, что по царю открыли огонь, молодой и горячий командир «Донского казака» лейтенант Ильин-четвёртый, сразу сыграл «боевую тревогу» и бросил свой миноносец на перерез «Тавриде», намереваясь прикрыть собой царя, одновременно обстреливая броненосец. И даже несколько раз попал! Правда «Тавриде» его снаряд, что слону дробинка, бронированный борт и не такие удары выдержит!

Царь с минуту стоял молча, потом злобно пнул ногой пробку за борт и передал через сигнальщика: «Казак, огонь прекратить! Таврида, благодарю за салют! Оценка за стрельбу – отлично. Поднимаюсь на борт. Встречайте!».

На броненосце прекрасно видели, что выстрелили пробками и уже мысленно приготовились к каторге. Да, за такую стрельбу одна награда – каторга, причём для всех: от командира до последнего трюмного матроса!

На борту царь не стал слушать рапорт вахтенного офицера, раздражённо отмахнулся, приказал распустить команду по местам и подозвал к себе старшего на корабле – командующего флотом.

– Ну, что, сударь, скажите в своё оправдание? – царь с трудом сдерживал гнев.

Адмирал не успел и рта открыть, как вперёд вышел командир броненосца – князь Голицын.

– Ваше величество, – произнёс он спокойно, так, словно обращался к равному, – это МОЙ корабль, и за всё, что происходит на его борту, отвечать мне одному.

Царь сначала очень удивился такой наглости, но вспомнив, что Голицыны в дворцовой иерархии стоят сразу за Романовыми, а учитывая их заслуги перед государством, то почти ровня, смягчился.

– Полноте, вам, Иван Иванович, давайте пройдемся, доложите мне, что на ВАШЕМ корабле творится.

О чём они говорили никто не слышал, но царь из всех частных наказал только одного человека – князь был разжалован в рядовые матросы сроком на три года. С сохранением всех наград и жалования командира корабля. На этом дело о стрельбе в царя было закрыто, официального следствия не проводилось.

Командир «Донского казака» лейтенант Ильин-четвёртый был лично награждён царём золотой саблей и повышен в чине. Потом он честно служил на флоте и дослужился до ко-

мандира линкора «Петропавловск». После революции перешёл на сторону Советов, но во время Кронштадтского восстания 1921 года был зарезан пьяным матросом.

Порт-Артур

До Японского моря добрались без приключений, если не считать небольшого пожара в носовом шпилевом отделении. Нашлась всё-таки сволочь среди матросов, заныкала водку и напилась, заодно подпалив окурком старые канаты. Нарушитель «сухого закона» сначала был избит своими, а потом командир в первом же порту ссадил его на берег и передал русскому консулу. Разжалованный матрос с видом брошенной собаки бегал по причалу, молил взять его обратно на борт, хватался за швартовый канат, рыдал в голос и обещал погибнуть в первом же бою. Песков был непреклонен.

На подходе к Порт-Артуру Песков приказал поднять из трюмов весь груз и разместить его на верхней палубе, разделив на плавучий и неплавучий. Плавучий связали между собой цепями и канатами, а неплавучий разложили напротив шлюпок и плотов.

К крепости подходили поздним вечером, держась как можно ближе скалистого берега. На внешнем рейде сучали на якоре два японских миноносца. Подойдя ближе и поняв, что японцы его заметили, Песков приказал поднять флажный сигнал «испытываю неполадки с машиной, разрешите войти в гавань». Японцы ответили сразу: «застопорить машину, приготовить судно к досмотру».

– Полный вперёд! – закричал Песков в машинное отделе-

ние, а сигнальщику, – ответь им: «не разберу ваш сигнал, повторите».

На японских кораблях начали спешно выбирать якоря, разводить пары и разворачивать башни в сторону «Тамбова», но, видимо полной уверенности у них ещё не было, поэтому сигнал повторили.

– Сигналь обратно: «управляюсь с трудом, прошу помощи».

Тут до японцев дошло, что к чему, и место помощи ближайший миноносец выстрелил «Тамбову» перед носом, приказывая остановиться.

– Боевая тревога! – взревел Песков, – по местам стоять! Груз на шлюпки и гребём к берегу! Плавающий груз за борт! В машинном – ход не сбавлять! – А сам отодвинул рулевого и направил судно к берегу, намереваясь посадить его на мель.

Не дожидаясь команды, к орудию, широко расставив ноги, встал комендор – князь Голицын. Надвинул, как все артиллеристы, фуражку на самые глаза и, после быстрых расчётов в уме, резко скомандовал – заряжай!

Бой был короткий и бестолковый. Японцы стреляли часто, но в основном попадали в «молоко». Им, с интервалом с минуту, отвечал князь, но гораздо точнее и, похоже, добился одного или двух прямых попаданий, потому что в какой-то момент японские корабли прекратили стрелять и резко сбавили ход. Ещё бы! Князь научился метко стрелять ещё в те времена, когда никаких прицелов на пушках не было. Зака-

тил ядро в дуло, поджёг фитиль и бабахнул в сторону врага. Издалека японцам стало виднее, и они всё же один раз попали в «Тамбов», но снаряд пробил «картонный» борт и ушёл в воду не взорвавшись.

До берега оставалось всего каких-то двести метров, как Тамбов на полном ходу наскочил на подводную скалу и распорол днище! Судно резко остановилось, развернулось и завалилось на левый борт. В воду полетели люди вперемешку с грузом. Князь тоже упал за борт, но наученный горьким опытом, что лучшая спасательная шлюпка – это корабль, даже тонущий, быстро забрался обратно. Экипаж спешно перегрузил груз на шлюпки и плоты и, со всей силы налегая на вёсла, поплыл к берегу, а «Тамбов» стал медленно погружаться в воду. Пушка стояла беспомощно, задрав ствол к небу, но князь не растерялся, взял винтовку, залёг за мешками и начал свою, личную, войну с японцами.

...Утром японцы выловили из воды единственного человека – князя Голицына. Князь, проплавав на кораблях с девяти лет, похоже сам стал непотопляемым. Другого объяснения у меня нет, как князь смог продержаться в штормовом море всю ночь, не имея ничего, за что можно было бы схватиться!

На допросе князь назвался матросом Ивановым, теребя в руках старую, засаленную бескозырку доложил, что всю службу чистил картошку на камбузе и мыл посуду, поэтому,

то, что интересуется уважаемых господ, ему знать не положено. На вопрос, что он делал около пушки, князь с глупым видом ответил, что сам не понял, как там очутился: «все побежали и я побежал...». Странный аргумент, но сработал – Иванушка-дурачок – решили японцы, что с него возьмёшь? Японцы без особого энтузиазма продолжали его допрашивать, но князь ничего толком не сказал, ссылаясь на провалы в памяти и преклонный возраст. В конце концов он оказался в лагере для военнопленных, где сидел тихо и не высывался.

Так продолжалось полгода, пока не случилось Цусимское сражение. После разгрома японцами русского флота в лагерь, где сидел князь, прибыли сотни моряков с погибших кораблей, в том числе и с броненосца «Таврида»! Вот тут-то японцы стали замечать странные вещи. В присутствии старого бородатого матроса с потопленного парохода, все встают, даже старшие офицеры. Адмиралы, так же встают, первыми здороваются за руку и тихо обращаются к нему «ваше сиятельство»! Японское адмиралтейство надало на внешнюю разведку, и та быстро выяснила кто есть кто.

На следующий день князя пригласил к себе командующий японским флотом адмирал Камимура. Японец долго тряс Голицыну руку, восхищался его подвигом, достойного настоящего самурая. Камимура не поверил разведке, что князя разжаловали в матросы за стрельбу пробками. Он подумал, что это такой хитрый русский план, и князь плыл в Порт-Артур как новый командующий эскадрой, вместо подорвав-

шегося на mine вместе с кораблём адмирала Макарова. После восхищений, Камимура угостил князя сакэ и воинскими почестями передал русскому послу.

Посол долго крестился, увидев у дверей посольства князя в окружении почётного японского эскорта. По донесениям из Порт-Артура, до берега добралась почти вся команда «Тамбова», кроме князя и пропавшего вместе с судном Пескова. Князь уже как полгода считался погибшим! В Исаакиевском соборе по нему была отслужена литургия, на которой присутствовал сам царь.

После войны японцы сняли «Тамбов» с мели и отремонтировали. Он даже пару лет проплавал под японским флагом, но потом Россия его, крейсер «Варяг» и ещё ряд кораблей выкупила у Японии.

На фоне полного разгрома русского флота в Цусимском сражении, героической обороне крепости Порт-Артур, подвига экипажей крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», подвиг «Тамбова» кажется маленьким и незначительным. Судно без лишнего шума вернули в порт приписки – Одессу, где оно продолжило перевозить мирные грузы. Единственное, что напоминает о тех героических днях – это новое название – «Капитан Василий Песков». Но Одесса, есть Одесса, тут уж ничего не поделаешь, очень скоро «Василий Песков» стал «Васей Пупкиным», и под этим именем стал известен всем.

Высадка

Всё-таки не зря я изучал штурманское дело! Мои прикидки в уме оказались точными. Течение несло меня как раз к третьему острову. И, как я предполагал, это случилось ночью! Высаживаться на неизвестный берег в темноте – трюк не для слабонервных! А я, поболтавшись в океане в полном одиночестве, как раз таким и стал! Нервы ни к чёрту! В добавок жажда, общая слабость, голод и кашель, который только усилился! Трезво поразмыслив я решил, что лучше подождать утра, чем утонуть ночью. Правильно решил. Ночью я даже не смог определить, когда этот островок прошёл мимо! Зато на утро четвёртый остров открылся передо мной во всей красе! Покрытый зелёными джунглями, с обрывистыми берегами и с небольшой горушкой на южной окраине. Меня несло как раз со стороны горы и весь остров не было видно.

Как ни жаль, но дверь придётся бросить. Без весел ей управлять нельзя. А как было б эффектно причалить к острову на капитанской двери! Я решил спрыгнуть в воду, как только смогу разглядеть на берегу отдельные стволы деревьев, это как раз будет около двухсот метров. Боюсь, что одолеть большее расстояние я уже не способен. Но сначала нужно сделать кое-какие приготовления. Я разделся, свернул свою одежду в скатку, перетянул её ремнём и сделал петлю для руки. Морской офицер должен всегда быть в форме! Вдруг местные папуасы устроят торжественный приём в честь моего прибытия?

Течение усилилось и остров стал приближаться быстрее, и

тут я заметил буруны! Черт, да здесь рифы! Ближко подойти не получится! И волна усиливается! Сколько кораблей проломили себе днище, пытаюсь вплотную подойти к таким островам. Ладно, где наша не пропадала! Я выбрал самый удачный, на мой взгляд, момент и сиганул в воду. Ну прощай мой кораблик, моя спасительная дверь! Теперь главное – самому не налететь на рифы! Они только со стороны кажутся мягкими и пушистыми, на самом деле они твёрдые как камень и острые как бритва! Ободрать шкуру об них можно запросто, а на запах крови сразу соберутся акулы! И поминай как звали!

Вот он риф, уже совсем рядом, надо постараться проскочить его на гребне волны, за ним уже будет проще. А вот она волна, сейчас я тебя оседлаю! Ну это так, фигурально оседлаю, на самом деле я болтался в воде как пробка и лишь помаленьку продвигался вперёд. Океанская волна – это совсем не то, к чему мы привыкли на Чёрном или Балтийских морях! Здесь волн меньше трёх метров не бывает. А об риф бьёт пятиметровая волна! Не всякий корабль может идти против такой волны, а человеку справиться с ней вообще невозможно! Но мне повезло, внезапно, из неоткуда, налетел огромный вал и как щепку перебросил меня через риф! А за ним, в лагуне, совсем другое дело: и теплей, и волны почти нет, и вода прозрачная-прозрачная. Фу... пронесло! Всего-то метров двести осталось. Я лёг на спину и медленно поплыл.

Человек стал плавать по воде существенно раньше, чем оседлал коня и приладил к нему колёсную повозку. Именно мореплавание перевело в практическую плоскость бредни астрологов о звёздах, и отняло у торгашей математику, а Архимед подвёл под кораблестроение теоретическую базу. По большому счёту без разницы на чём ты плывёшь, верхом на бревне или на шикарном океанском лайнере, тебе всегда нужно знать где находишься. Для этого нужно понимать, как и куда движутся звезды по небосклону. А чтобы судно не развалилось на куски при первом же шторме крайне желательно разбираться в таких скучных вещах как сопромат. Если бы наш далёкий предок не полез в воду и не озадачился этими вопросами, то человечество до сих пор прыгало бы по деревьям!

Как бы ты не любил море, но суша завсегда лучше! Почему-то считается, что вода – самая враждебная для человека среда! Хотя я думаю, что всё же, у среднестатистического гражданина шансов откинуть коньки на суше существенно выше, чем на воде. Большинство этих страхов придуманы самими моряками, которые старались придать своей, в общем-то скучной профессии, ореол романтики и опасности, и сорвать за свои труды побольше денег. Сухопутному жителю совершенно не понятно, чем занимаются экипажи кораблей в море. Вот как раз для них и придумали сказки про бесконечные шторма, флотилии ужасных пиратов, летучих

голландцев и Бермудские треугольники! А ещё раньше были русалки, сирены и гигантские спруты, способные утащить на дно целый корабль! Теперь такими сказками можно напугать только малолетних детей.

На самом деле, большую часть плавания экипажи вообще ничего не делают. Совершенно! Редко бывает, чтобы штормы шли один за другим. И никакие морские чудовища не мешают спокойному плаванию. Даже во время войны большие боевые корабли один, от силы два раза в год выходят в море! А крупные морские сражения вообще можно по пальцам пересчитать! (А вы думали, что они постоянно воюют?) Чтобы экипаж не сдурел от безделья и не вздумал свергнуть капитана и захватить власть, на флоте придумали целую систему под названием «лишь бы что-то делать»! Система не сложная: корабль просто нужно постоянно драить, натирать и начищать, регулярно играть тревоги, проводить учения и устраивать общекорабельные работы (аврал). И желательно по ночам! Вот тогда личный состав будет думать только об одном: как бы поскорей добраться до койки и заснуть! Ну и ещё личный состав нужно постоянно страшить и запугивать, потому что, как говорил мой флотский старпом: «только реальная опасность заставляет экипаж относиться к своим обязанностям с нескрываемой любовью»! (Он сам, как раз, этой самой настоящей «реальной опасностью» и был!)

Ах да, чуть не забыл, поддерживать высокий морской дух ещё очень помогает изощрённая система наказаний! Вот

ей могли позавидовать даже палачи инквизиции! Высадка буйного матроса на необитаемом острове – это акт высшего гуманизма и человеколюбия! Это как будто тебе в детстве пальчиком пригрозили: «ай-яй-яй! Не балуйся больше!». Робинзону Крузо страшно повезло, что его командир был человеком кротким и жалостливым! Вот попадись ему знаменитый Джеймс Кук, звезда королевского флота в пыточном деле, мы бы уже не читали книжку о его приключениях на необитаемом острове. Сэр Кук, «просвещённый мореплаватель», просто приказал бы бить провинившегося матроса плетью, до тех пор, пока кожа сама со спины лоскутами не слезет, а потом, ещё живым, выбросить за борт на радость акулам. Или повесить на рее, а труп не снимать неделю, чтобы устрашал остальных в назидание. Хорошо, что на русском флоте такого никогда не было, у нас просто били по зубам, и этим ограничивались.

Я выполз на песок и чуть не заплакал от счастья! Неужели! Земля... От усталости глаза сами собой закрылись, и я заснул. Пробуждение было ужасно! Пока я плыл по океану, меня постоянно заливало водой, и организм не перегревался, а здесь я, похоже, получил солнечный удар. Башка страшно трещала и ничего не соображала. Кое-как я встал на ноги и пьяной походкой пошёл в джунгли. Десять метров пляжа

я еле осилил за пять минут, шёл, падал, вставал, снова падал, куда-то полз, но везде был только песок и океан! А вот она тень! Наконец-то! Надо отлежаться, отдышаться, остыть и отправляться искать пресную воду. Если здесь нет воды, то можно сразу начинать копать себе могилу. С такими невесёлыми мыслями я снова вырубился.

Когда я вторично очухался солнце уже клонилось к горизонту. Ого, я проспал почти целый день! Во рту всё пересохло и на зубах скрипел песок. Новые ощущения! Я попытался его выплюнуть, но слюны совсем не было. Так, надо вставать и идти искать воду. Я с трудом поднялся, вышел на пляж и пошёл вдоль берега. Если здесь есть ручей, то он же должен куда-то впадать!

Нехорошее место я себе выбрал для жизни. Из далека островок казался настоящим райским уголком, какие красочно рисуют в рекламе: ласковое солнышко, белоснежный песочек, ты с оголённым, накаченным торсом и с бокалом вина в руке, стоишь в окружении весёлых, красивых девушек в открытых купальниках... А на самом деле – узкая полоска песка и почти отвесная, поросшая непролазным лесом гора. Девушками, что в купальниках, что без, здесь и не пахнет. Но самое главное – это жара! А мне ещё место для ночлега искать нужно. Интересно, а тут змеи водятся? Вообще-то не должны, ну чем черт не шутит? Зато здесь скорей всего есть ядовитые сороконожки, которые тут наверняка размером с небольшую змею! Не люблю таких тварей! Брррр...

Я дошёл до южного края острова и упёрся в голую скалу, практически вертикально уходящую в океан! Плохо дело! Ладно, раз здесь прохода нет, пойду в другую сторону. Стало темнеть, надо поторопиться, в темноте я точно ничего не найду! Через километр я снова упёрся в каменную стену: единственная гора высоким обрывом упиралась в воду! Вот это да! Да я здесь как в каменном мешке! И пресной воды нет! У меня опустились руки. Такого я никак не ожидал! Что же делать? Лезть ночью в горы? Да это бесполезно! Да и куда там в темноте лезть? В лучшем случае я себе ноги переломлю, в худшем сорвусь вниз.

Я поднялся в джунгли, выбрал место поровней, лёг и стал строить планы по завтрашнему штурму горы. Завтрашнему! До завтра нужно ещё дожить! Я уже два дня ничего не пил и не ел! На утро может вообще сил не остаться! Лежу, жалею себя: вот, Лёха, и пришёл твой конец! И никто не узнает где могила твоя! Надо бы встать и надпись какую-нибудь нацарапать, вроде: «здесь умер от жажды офицер русского флота Лёха Лавров»! Вот археологи лет через двести удивятся! Я, наверно, единственный обитатель этого «райского» местечка! Вдруг ветер с океана немного стих, и я совершенно отчётливо, прямо рядом с собой, услышал журчание воды! Вот этого только не хватало! Всё, уже галлюцинации начались! Похоже я начинаю потихоньку съезжать с катушек. Я потряс головой, пытаюсь сбросить наваждение (как будто это может помочь), но журчание не прекратилось! Сходить что ли по-

смотреть, пока окончательно не стемнело? Или пока не свихнулся. Ладно, пойду. Всё равно у меня нет выбора, заодно и надгробную надпись нацарапаю! Я еле встал и шатаясь полез через джунгли.

В темноте джунгли также проходимы, как рыболовная сеть, сплётённая из колючей проволоки и поставленная в десять рядов! Пробраться через неё практически невозможно. Я достал нож и начал прокладывать себе дорогу на звук воды. Работа шла медленно, я постоянно спотыкался, больно царапался и обдирался, но снова и снова заставлял себя подниматься и идти вперёд. Иногда мне казалось, что журчание воды окружает меня со всех сторон! Похоже я точно спятил! Где же она? Где! Я уже совсем отчаялся, сел под дерево, обхватил голову руками и завыл! Звук журчащей воды пульсировал в мозгу невыносимой болью. Ну где же ты?

– Хватит ныть! Надо вставать и идти искать дальше! – приказал я сам себе.

– Есть, товарищ капитан-лейтенант! – ответил я, отдышался и попробовал встать, но ноги уже не слушались, я зацепился за какую-то корягу, повалился и упал лицом в воду! Холодная вода быстро привела меня в чувство. Это что, осязательные галлюцинации? Я сунул руку в темноту. Нет! Это настоящая вода! Ура! Теперь пить, пить, пить! Я опустил голову в воду и принялся жадно глотать воду пока не закашлялся! Черт! Так жить можно! Я сел, встряхнулся и рассмеялся от радости! Ура! Победа! А я уже собрался себе

надгробный памятник делать! Рано ещё Лёха! Рано!

Ночью поднялся шторм! Ветер был такой силы, что казалось сейчас сдует этот чёртов островок в океан! Потом налетел ливень! Пока я плыл на плоту, то только и думал о ливне, а теперь он мне совсем не нужен! С горы хлынули грязные потоки, которые кабинетные поэты называют «весёлыми ручейками», и место, где я расположился, сразу стало похоже на болото! Я и так был простуженным, а сейчас от холода меня стала колотить лихорадка. Попробуй скажи кому, что ты замёрз и простыл летом на тропическом острове! Да никогда не поверят! Свою просоленную одежду я бросил на берегу и теперь мёрз в одних трусах и тельняшке. Скорей бы утро! Хоть бы на солнце согреться! Через пару часов ливень закончился, и почва под ногами быстро высохла. Это уже лучше. Я лёг прямо на землю, но она оказалась холодной. Ладно буду спать сидя. Я пошарил в темноте, нашёл какую-то ветку, положил её себе под зад, прислонился к дереву и заснул.

Впервые, с тех пор как моё судно утонуло, я проснулся с чувством, что выспался! Хоть спать было и неудобно, но я хорошо отдохнул! Теперь во мне проснулся энтузиазм, и я решил обжить этот потерянный клочок земли! Для начала пойду поищу себе пропитание, а то урчание в животе скоро начнёт заглушать шум прибоя! Но еду долго искать не пришлось, даже беглый осмотр джунглей, не вставая с места, показал: от голода я здесь не умру! Правда, для этого придётся стать вегетарианцем! Бананы, наверно сразу пяти разных

сортов, апельсины и кокосовые орехи висели на каждом дереве гроздьями, только руку протяни! А что я вчера их совсем не заметил? Точно, помутнение рассудка было! Наевшись фруктами до отвала, я снова улёгся.

Пока обрadowанный желудок делал своё дело, я обдумывал план как мне устроить себе хижину. Попытался вспомнить книжку про Робинзона Крузо, которую читал в детстве, но ничего, кроме папуаса Пятницы и диких коз вспомнить не смог. А он же на острове как-то тридцать лет прожил! Только, думаю, он сделал одну серьёзную промашку. Вместо мужика Пятницы нужно было брать девушку! Вот тогда можно было бы остаться на острове навсегда. Тем более в британском королевском флоте есть прекрасный пример! Старпом корабля «Баунти» поднял бунт и ссадил прямо посреди океана капитана с несколькими преданными матросами в лодку. (Не припомню, чтобы на нашем флоте что-то подобное случалось! Ну англичане же «просвещённые мореплаватели», не то, что мы лапотные – им видней!) Потом brave старпом захватил на Таити нескольких женщин, переплыл с ними на остров Питкерн, кстати самый удалённый обитаемый остров в мире, дальше реально просто некуда, и основал там колонию! После нескольких бунтов и убийств на острове остался с десятком женщин и один-единственный мужчина! Старпом сразу поменял имя на Адамс и теперь считается отцом всех жителей острова!

Крузо тоже вполне мог бы стать родоначальником тако-

го племени. Сидел бы себе на троне и мудро правил подданными! Но ей богу, эти англосаксы какие-то чокнутые! Зачем ему здесь помощник «по хозяйству»? Зачем? Точно, они – нация торгашей! Ему нужно было думать не о росте промышленного производства на своём острове, а о производстве наследников! Вот я именно так и поступлю. Не думаю, что меня отсюда быстро спасут, острова находятся в стороне от оживлённых морских путей. Так что при первой возможности нужно захватить себе женщину.

Ладно, помечтал и хватит. Вода и еда у меня уже есть, пойду осмотрю свои владения.

Остров

Для начала я решил детально осмотреть ручей, почему я его вчера на берегу не нашёл? Странно, вода же должна куда-то вытекать! Я вышел к руслу и пошёл вверх. Ну как пошёл – скорее полез, или даже пополз. Ручей почти не петлял, а круто, по прямой спускался с горы. Через сто метров я вышел на небольшую, свободную от густой растительности площадку, которая упиралась в вертикальную скалу. Сверху стекал ручей и падал в большую каменную чашу, а уже оттуда вытекал вниз. Это как раз кстати, надо бы помыться. Вода хоть и была кристально-прозрачная, но я с некоторой опаской залез в неё. О..., как хорошо! Вода была бодряще прохладной, а главное – пресной! От засохшей на коже соли всё тело страшно чесалась, горело и болело. Да... жизнь становится лучше! Начинаю потихоньку обживаться, у меня уже что-то вроде баньки появилось. Надо натаскать сюда песка с пляжа, и натираться им вместо мыла и мочалки.

Лежу, балдею в «ванной», вдруг кто-то довольно чувствительно, цапнул меня за большой палец ноги. Я дёрнулся и посмотрел сквозь воду. Ого! Вокруг моих ног собралось около десятка крупных жёлто-зелёных раков и каждый протягивал свои острые клешни чтобы оттяпать кусочек меня! Не, ребята, так не пойдёт, теперь вас буду есть я! Я нырнул в воду и попытался схватить рака. Не тут-то было! Хитрые члени-

стоногие сразу разбежались как тараканы на свету и попрятались за камнями. Ладно, дам вам ещё один день пожить спокойно, вы ещё не знаете, что такое русский моряк! Завтра сделаю ловушку, наложу в неё какого-нибудь тухляка, и вы сами ко мне прибежите.

После ванны я попробовал залезть повыше в горы, но скала в этом месте была почти отвесная – только ладони ободрал. Черт с ней, потом осматрюсь. У меня пока и так всё есть. Пойду вниз, вдоль ручья, там осматрюсь. Спускаюсь не торопясь, прокладываю ножом себе дорогу, чтобы потом тут можно было спокойно ходить, а не лазить, согнувшись в три погибели! В скалистом грунте ручей снова образовывал небольшие ванночки, в некоторых сидели, затаившись раки. Постепенно я спустился вниз и буквально у самого пляжа ручей неожиданно ушёл в песок! Полностью! Вот почему я его вчера не нашёл! Весь ручей исчез в песке! Никогда такого не видел!

Теперь надо бы исследовать лагуну на предмет наличия еды, надо разнообразить рацион, а то всех раков я быстро съем. Как и ожидалось вокруг отдельных коралловых кустов плавали сотни мелких рыбок, которые не представляли интереса в промысловом отношении. Правда очень красивые! Засмотришься! Но кое-где иногда попадалась относительно крупная рыба размером с треску. Вот это то, что нужно! Только как её поймать? Если я рака руками поймать не смог, то рыбу – тем более. Тут нужно сетью. Или копьём. Точно,

копьем! Завтра сделаю острогу!

Я ещё побродил по лагуне в поисках прохода на другую сторону острова, но гора уходила отвесно в воду, вокруг торчали острые камни и по ним била сильная волна. Похоже риф в этом месте уже не прикрывает берег. И самое главное. а стоит ли туда соваться? Может там ничего и нет?

К выбору места для строительства хижины я подошёл уже вооружённый опытом прошлой ночи. Первое: нужно найти ровную площадку. Второе: нужно обязательно построить помост, чтобы меня не залило дождевой водой с горы. И третье, крайне желательно, чтобы меня прикрывал с моря какой-нибудь камень, за которым можно спрятаться от ветра.

После часовых поисков я нашёл на склоне ещё один ручеёк, только совсем маленький, который, как и первый, не доходил до пляжа. В середине течения лежал огромный валун, который в древние времена сполз с вершины, оставив за собой широкую ровную дорожку. Это на первое время сойдёт. Надо только выровнять грунт и натаскать побольше листьев для кровати. С помостом я решил повременить, может потом лучше место отыщется?

Крупные листья росли на самой верхушке пальм, а внизу всякая мелочь. Я обнял ствол и попытался забраться по нему нашим, обычным способом, которым испокон века лазают

по деревьям в российских городах и лесах. Через три метра толщина ствола уменьшилась на столько, что за него было невозможно держаться! Я сделал ещё одну попытку подтянуться и сорвался вниз! Лежу на земле, глажу отбитую задницу. Черт! Больно! Надо придумать другой способ, папуасы же как-то наверх за кокосовыми орехами залезают.

Вечером, пока не стемнело, я вышел на пляж «осмотреть горизонт». Делать мне совершенно нечего и, чтобы совсем не свихнуться от безделья, я решил нести вахту как на корабле. На востоке горизонт был девственно чист, а вот на северо-западе уже клубились грозовые тучи и виднелись отблески молний. Что-то это мне не нравится, очень похоже на тайфун! Этот будет сильнее прошлого шторма. Я бросился к месту своей стоянки чтобы хорошо подготовиться. Прибежав я понял: ни к чему мне готовиться не нужно – у меня ничего нет! Ни дома, который может разрушиться, ни вещей, которые могут пропасть, ничего. Хотя в этом тоже есть свой плюс – мне нужно спасать только собственную шкуру, не фигурально, а непосредственно!

Пока не началась буря, я внимательно осмотрел соседние деревья, не висят ли там тяжёлые орехи, один меткий удар таким орехом по голове и конец «одиссеи капитана Лаврова»! Орехов и ничего крупного в пределах видимости не оказалось. Я собрал длинные палки и прислонил их своему камню на подобие шалаша и залез под них, если сверху начнёт что-то падать, то они меня спасут.

Шквал приближался медленно, сначала поднялся ветер, потом пошёл мерзкий морозящий дождь, как у нас осенью, похолодало, и минут через десять вспышка молнии и как громыхнёт! Ветер сразу обрёл ураганную силу, ливень стал хлестать по коже как кнутом. Деревья стали страшно трещать и стелиться к земле как старая трава. Я забился под камень как крот и затаился. По опыту знаю: ещё минут пятьдесят и шквал пройдёт. Так и случилось, через десять минут ветер стих, закончился дождь, а ещё минут через пять небо полностью прояснилось. Уф... пронесло.

Шквал нанёс острову небольшие разрушения, но сделал для меня кое-что полезное – повалил несколько деревьев, теперь мне не нужно на них лезть! Я оторвал от них все листья и притащил к камню. Крупные навалил на крышу, а все остальные положил внутрь как кровать. Лёг на них попробовать, да... это не пуховая перина и даже не ватный флотский матрас, но всё же лучше, чем голая земля!

Дом теперь у меня есть, нужно подумать про рыбалку. Как же мне соорудить ловушку для ловли раков? Из чего местные, если они тут вообще есть, делают верёвки? Ничего такого, от чего можно было оторвать кору мне не попадалось. Это только в сказках лиана – это готовая верёвка, на самом деле они такие же твёрдые как дерево, их не согнуть, не узлом навязать – ломаются! Вот незадача. Нужно идти что-то искать.

Помню в какой-то детской книжке была интересная кар-

тинка про то как на дереве растут булки и батоны хлеба, а вокруг него весело танцуют папуасы в набедренных повязках, и внизу подпись: хлебное дерево. Тогда мы очень смеялись над этим, ну-ну, хлебное дерево! Поверьте мне на слово – хлебное дерево существует! Только на нём растут не булки, а большие, круглые плоды по вкусу похожие на картошку. Правда, тогда я не знал об этом, меня привлекла кора этого дерева, гладкая как у дуба. Мне как раз она-то и нужна. Я достал нож и отрезал длинный лоскут коры и попробовал его на разрыв. Кора оказалась крепкой, но насквозь пропитана белёсой смолой, липкой как клей.

Ловушку для ловли раков я сварганил за полчаса, потом сходил на берег, набрал всяких мелких улиток и разложил их на солнце, чтобы немного протухли. На раков этот запах действует как валерьянка на котов. Разложил, сел в теньке, закрыл глаза и представил себе кружку пенного пива и дымящихся красных раков... Чёрт! Точно, раков ещё нужно сварить! Сырыми их есть нельзя! Я встал и со злостью выкинул улиток обратно в море, туда же пнул ногой ловушку для раков!

Короче, с раками, как и с пивом полный облом. Нужно делать острогу.

Теория прицеливания

Как правильно сделать острогу я себе представлял смутно. Не думаю, что простой, даже острой палкой можно проткнуть рыбу. Нужно что-то железное вроде пики. Отлично подошёл бы кусок железной проволоки или длинный гвоздь, но тут нет ни того, ни другого. Хотел привязать к палке нож, но потом побоялся его потерять и передумал. Придётся тыкать в рыбу заострённой палкой. Хотя откуда у папуасов железо? Они точно ловят рыбу на голую палку! Я пошёл, наломал бамбука, наточил из него копий и разложил на солнце, чтобы подсохли. Утром пойду на пробную рыбалку.

Вы когда-нибудь слышали про теорию прицеливания? Не слышали? Жаль, интереснейшая штука, я вам доложу! Зная её, можно попасть даже в невидимую цель. То есть в цель, которая находится за горизонтом в море или за горами на суше, или за домами в городе. В общем, вооружившись необходимыми знаниями, можно рассчитать, прицелиться, выстрелить и даже попасть! Я же, черт побери, старший артиллерийский офицер! Правильно стрелять – это мой хлеб!

Так вот, чтобы прицелиться в рыбу под водой, теорию прицеливания знать не нужно. А нужно знать физику, точнее тот раздел оптики, который трактует вопросы преломления света при переходе из одной среды в другую. Вспомните, как ложка в стакане с водой кажется сломанной? Вот это и есть

преломление среды. Это ключевые знания для того чтобы попасть острогой в рыбу, если этого не знать, то никогда никакой рыбы не поймаете. (Интересно, а папуасы тоже разбираются в таких сложных вопросах? Или у них «природное чутьё»?) Рыба в действительности находится ближе и глубже, чем это кажется при взгляде сверху. И это расстояние сильно зависит от угла зрения. Поверьте, попасть палкой даже в лежащий на дне камень – целое искусство!

Не буду особо хвастаться, но после хорошей пристрелки, уже через неделю я мог за день поймать острогой одну-две рыбины! Мне этого вполне хватало, заготовить впрок здесь ничего нельзя, а на день – достаточно.

Пока учился попадать в рыбу острогой со мной приключилась беда. Стою, выжидаю рыбину побольше, я теперь разборчивый стал, на всякую мелочь уже не смотрю. А... вот она, родимая, сама ко мне плывёт. Ну давай, давай подплывай поближе, приманиваю я рыбу, а сам тихо двигаюсь в её сторону. Под ноги внимательно смотрю, тут по дну ползает всякая опасная тварь, начиная от острых ракушек и заканчивая скатами.

Рыба остановилась и уставилась на меня. Вот он момент для броска! Я размахнулся, что есть дури, метнул копье, но оступился и сделал полшага вперёд. Всего полшага! Дикая боль пронзила ступню, я заорал в голос так, что перекрыл океан! Черт, что это? В голову сразу полезли страшные мысли, от укуса акулы до удара ската-хвосткола! Если аку-

лий укус ещё когда-нибудь заживёт, то рана от удара хвостом смертельная. Будешь умирать долго и крайне мучительно. С опаской посмотрел в воду. Черт! Морской ёж! Я наступил на чёртова ежа и обломок его иглы остался у меня в ноге!

Кое-как выбрался на берег, упал на песок и рассмотрел ногу. С одной стороны – плохо, в ноге остался длинный, сантиметра два, обломок иглы, с другой получше – игла вошла под небольшим углом, а не проткнула ногу насквозь. Её хорошо было видно через кожу. Надо иглу срочно вынимать, пока яд ещё не подействовал. Попробовал аккуратно подцепить её пальцами – кончик хрупкой иглы раскрошился, не сдвинувшись ни на микрон! Это совсем плохо. Чувствую, нога уже начинает неметь и в голове стало шуметь. Ежьи яд действует. Думай, Лёха, думай, пока в сознании. Я достал нож и уже хотел распороть ногу, но тут смутная догадка зашевелилась в мозгу.

Я потёр пальцами кусочки иглы и даже на зуб попробовал. И тут вспомнил, что нужно делать, старые моряки с «Пескова» рассказывали. Встал на ноги, как на зло ёж ужалил меня в левую, здоровую ногу, (А ещё в какую? Я, как все военные начинаю движение строго по уставу, с левой ноги.) так, что при ходьбе получилась некоторая симметрия, и заковылял в лес. Там сорвал несколько кислых лимонов, нашёл камушек с узким краем, сел на бережке ручья и начал делать «операцию».

В принципе ничего сложного. Игла ежа такая хрупкая, по-

тому что – это чистая кремнеорганика, растворяется любой кислотой, даже лимонной. Я стал аккуратно стучать по игле камушком, чтобы она раскрошилась и превратилась в порошок, одновременно поливая ранку лимонным соком. Сижу, бью, а в голове шумит... уже туго соображаю, что делаю. В глазах стало двоиться, чуть ли не троиться. Игла стала сама шевелиться, нога со мной разговаривать...

Очнулся я от жестокой лихорадки. Ночь, хлещет ливень, ураганный ветер ломает деревья, а я лежу в холодной луже. Всё тело ломит и колбасит, ступня горит так, словно её жарят на огне. Надо срочно в укрытие, под крышу. Я лёг на живот и как червяк пополз к своему шалашу.

Дальше плохо помню. Лихорадка била меня ещё день или два, голова раскалывалась, душил сухой кашель, я не мог лежать в одной позе, постоянно ворочался и совсем не спал, но нога уже почти не беспокоила. Всё-таки я впал в забытие и когда очухался ничего уже не болело, только мышцы немного ломило. Да, в следующий раз, нужно лучше смотреть под ноги.

Мало по малу, уже через месяц я освоился в островной жизни, нашёл хорошее место и начал строить шалаш. Если откровенно, то заняться здесь вообще нечем. Тут от безделья чокнуться можно. Теперь понятно, зачем Робинзон развёл большое хозяйство на своём острове. Так он спасался от безделья. Пока руки работают, пока в голове крутятся мысли – человек живёт, как только остановился – всё, медленная

смерть! Нужно и мне что-нибудь придумать, чтобы занять делом руки и голову. Плот, что ли построить? А что? Нужно обдумать эту идею.

Большой Хэнк

Возвращаюсь с рыбалки, тащу на остроге какую-то рыбу, вроде нашего морского окуня, такую же лупоглазую. Кстати, рыба так себе, резиновая, сколько её не отбивай камнем и не валь! А жарить-парить у меня ни огня, ни посуды нет. В общем иду себе спокойно, никого не трогаю, песенку про «Варяг» под нос пою, вдруг из густых кустов поднимается толстый бородатый мужик и молча тычет винтовкой мне прямо в грудь! Ничего себе дела-то! Вот откуда ни возьмись, появилось...

Тут, чтобы нагнать страха, нужно было бы написать, что мужик сверлил меня зверским взглядом и был настроен крайне решительно. Но на самом деле, в глазах у него ничего не было. Вообще! Лишь тонкий намёк на удивление. Да и вид у него был скорее придурковатый, чем решительный.

Стоим смотрим друг на друга. Думаю про себя: если он сразу стрельбу не открыл, значит убивать меня пока не собирается. Ладно, пока подождём. Мужик молчит и рассматривает меня. А я смотрю на его винтовку, пытаюсь понять взведена она или нет, и, тем временем, аккуратно, чтобы не привлекать внимание, стряхиваю окуня с остроги. Острога – палка крепкая и острая, насквозь не только рыбу проткнёт.

Но бестолковая рыба соскользнула с остроги, смачно шмякнулась об землю и стала громко трепыхаться! Мужик

не ожидал этого и удивлённо перевёл взгляд вниз. Мне этого хватило, дальше — дело техники! Я поднял левую руку вверх и щёлкнул пальцами, мужик резко поднял голову на звук, винтовка неопределённо качнулась куда-то в сторону. Но всё, дружище, теперь ты мой! Я отбил острой ствол подальше от себя, резко присел, сделал выпад вперёд и со всей силы врезал мужику кулаком под дых! Мужик согнулся пополам, выронил винтовку, упал, ударился лбом об камень, и затих. А чего он ожидал? Что я покорно подниму лапки вверх и буду молить о пощаде? Да я всё детство и юность на Хитровке провёл! Там и не такого увидишь. Фраер крашенный, хотел меня на гнилой понт взять! Полежи пока здесь, а когда очухаешься, я тебе допрос с пристрастием устрою.

Я перевернул мужика на спину и обыскал. На поясе в красивых кожаных ножнах лежал здоровенный тесак. Даже не тесак, а небольшая сабля! Если кавалеристов пересадить на пони, то эта будет в самый раз! В кармане клетчатой ковбойской рубашки лежали спички и сигареты! Сигареты! Я не курил уже целую вечность! Но брать у него ничего не стал. Русские моряки мародёрством не занимаются. Забрал только тесак и винтовку, чтобы у него не возникло желание снова напасть на меня. Остальное он мне сам даст, когда очухается. После осмотра я взял мужика за шиворот и поволок к своему жилищу. Тяжёлый детина! На месте я связал ему руки ремнём и засунул в тенёк отлёживаться.

Пока мужик приходил в себя после нашего знакомства, я

приготовил себе обед. Распотрошил рыбу, нарезал её тонкими полосками и тщательно отбил плоским камнем. Потом разложил её на большой, раскалённой на солнце каменной плите, чтобы она немного согрелась и подвялилась. Пока рыба «готовилась» я сделал себе фруктовый салат из «даров леса»: апельсины, бананы и ещё какие-то неизвестные науке плоды. Запивать это всё я буду кокосовым соком разведённым водой. А что? Очень даже ничего! Хотя, я бы, конечно, с гораздо большим удовольствием порубал бы сейчас щец и свиных котлет с жареной картошкой! А не сырую рыбу с осточертевшими бананами и приторным соком, но что есть, то есть, милости прошу к моему шалашу!

Пока я ел, мужик начал проявлять первые признаки жизни: дёргать ногой и стонать. Черт с ним, пусть ещё полежит, война – войной, а обед по распорядку. Я этого окуня полдня ловил! Что мне теперь всё бросить и этим мужиком заниматься? Когда доел и прибрал на камбузе, я подошёл к мужику и слегка пнул его ногой. Он медленно повернулся ко мне и приоткрыл глаза. На лбу чётко просматривался красный след от камня. Смотри, завтра он фиолетовым станет, злорадно подумал я, потом похлопал его по щекам и строго спросил по-русски:

– Ты кто, сволочь, будешь?

Мутный взгляд мужика понемногу осмыслился. Он разжал запёкшиеся губы и тихо сказал:

– Острэлиан. Острэлиан кост обсервер. – А, так вот кто

ты такой, австралийский береговой наблюдатель! Интересно за чем ты тут наблюдаешь за триста миль от страны кенгуру? Дальше я перешёл на английский.

– За чем наблюдаешь?

– За японскими кораблями.

– Что узкоглазые решили на вас напасть?

– Ещё нет, но могут. Немцы же на Россию напали, а японцы с ними...

Я не дал договорить и сильно пнул его ногой, потом схватил за грудки и потряхнул.

– Ты, что, кенгурятник, врёшь! На кого напали немцы?

Мужик не понял моего волнения и спокойно ответил:

– На русских. Уже больше месяца назад.

Я ещё раз его пнул, хотя это уже было лишнее, бросил на землю и сел рядом. Черт! Весь 41-й год ожидание войны витало в воздухе. Никто не говорил об этом вслух, но это ощущалось всем телом. Какая-то тревога присутствовала во всем, это чувство не объяснишь, оно неуловимое... После финской войны ожидание большой беды только усилилось. Чтобы там не говорили с высоких трибун про мир во всем мире, в простом народе тревога только нарастала.

– Когда это случилось?

Австралиец задумался.

– 22 июня, вроде. Я слышал, что они уже взяли Киев и Минск, а сейчас движутся к Москве.

Я снова схватил его за грудки.

– Хватит врать!

Австралиец с сочувствием посмотрел на меня:

– Ты русский?

– Да, – тихо ответил я и отпустил его.

– Развяжи меня, на посту есть радио, пошли, сам послушаешь.

Я развязал мужика и помог ему подняться. Но он не удержался на ногах, осел на землю и потряс головой:

– Здорово ж ты меня приложил. – Потом порылся в карманах, достал сигареты, сунул одну мне, – давай посидим, покурим, а то у меня голова чугунная.

Я взял сигарету и, стараясь скрыть волнение, закурил.

– Плохое ты себе место для жизни выбрал, – австралиец неодобрительно окинул взглядом местность вокруг, – тебе нужно перебираться поближе к людям.

– Ну ты даёшь! Куда меня океан принёс, там и живу. Принёс бы меня в Одессу – то жил бы в Одессе!

– Ты меня не понял, нужно переходить на другую часть острова, – и он показал рукой в сторону горушки.

– Там есть проход?

– Есть, но опасный, прямо по обрыву. Поэтому местные сюда почти не ходят, да и делать тут нечего.

– Местные? Тут есть МЕСТНЫЕ?

– Конечно есть, – австралиец удивлённо уставился на меня, – ты думал, что оказался на необитаемом острове? Ну ты даёшь, Иван! – он неожиданно засмеялся, – ты хотел быть

как Робинзон Крузо? Иван Крузо? – австралиец заржал как бешеная лошадь и повалился на спину, продолжая тыкать в мою сторону пальцем.

Этого я стерпеть не смог! В один приём я оказался у него на груди, схватил палку и сильно сжал ему горло:

– Не забывай, жирный боров, ты ещё у меня в плену.

Австралиец, похоже, не привык отвечать за свои выходки, или тут, в Австралии, все такие и, судя по его ошалелому взгляду, он явно не понял, что случилось. Потом собрался с мыслями:

– Простите, сэр, – выдавил он из себя, – если разрешите, я сяду?

Я слез с его груди, австралиец поднялся и сразу протянул мне руку:

– Меня зовут Генри Максвелл, но все называют меня Большой Хэнк.

Я пожал ему руку и представился:

– Алексей Лавров, но все обращаются ко мне так: сэр Алекс, – Хэнк прыснул в кулак со смеху, я тоже засмеялся, – ладно, – я похлопал его по плечу, – называй меня просто: Лёха.

Другая сторона

Дорога на другую сторону острова оказалась не такой уж опасной, просто очень запутанной. Правда, метров сто мы шли по узкой как лезвие и продуваемой ветрами каменной гряде, которая соединяла части острова, а потом практически равнина. Удивительно, но эта сторона острова не приглядывалась ни с какого ракурса, поэтому я даже не знал, что она вообще существует!

Идя по гребню хребта, я смог реально оценить размеры и форму острова. Сверху он напоминал большую запятую, и вот в её хвостике жил я. А так как я высадился с внешней стороны запятой, то весь остров оказался скрыт от меня горным хребтом. Хэнк был прав, я выбрал для жилья самое плохое место – наветренную сторону, на другой, подветренной стороне, совсем другой климат – тепло, почти нет дождей и мало ветра. Правда комаров значительно больше.

С высоты остров был как на ладони. От перешейка горы становились существенно ниже и расходились двумя цепями холмов в разные стороны. Посередине открывалась широкая, заросшая зелёным ковром джунглей, долина. В центре долины блестело довольно большое круглое озеро, из которого вытекала речка. Рельеф был похож на кратер потухшего миллионы лет назад вулкана. В общем всё выглядело

как настоящий «тропический рай», но что ж посмотрим, как тут в «раю» живут.

Но в самую долину мы не пошли, с повернули налево и двинулись по узкой тропинке, идущей по самому верху холмов. Через пару километров мы вышли на расположенную на возвышенности и очищенную от растительности площадку, выложенную ровными каменными плитами. По периметру площадка была обложена каменным бруствером, внутри стояла покосившаяся бамбуковая лачуга, рядом с ней торчала такая же кривая трёхметровая наблюдательная вышка. Ну что ж, для наблюдения за колхозными коровами самое то. Но я сюда не за этим пришёл, где радио?

Хэнк понял ход моей мысли и показал рукой на лачугу:
– Прошу, сэр.

В лачуге был полный бардак, беспорядочно валялись какие-то тряпки, несколько винтовок, разобранный пулемёт, патронные ящики, патроны россыпью, армейские каски, палатка, верёвки, ещё какой-то хлам, в углу на бамбуковом столике стоял большущий радиоприёмник, под ним вонял соляркой дизельгенератор, за лачугой источали ядовитые пары кислотные аккумуляторы. Хэнк порылся в хламе, выудил оттуда складной стул и подобострастно улыбаясь предложил мне сесть:

– Плиз, сэр.

Мне было не до его любезностей:

– Хватит, давай настраивай.

Хэнк начал крутить ручку настройки и поймал Би-Би-Си. Британский комментатор тараторил со скоростью хорошего пулемёта, но в основном о своих английских проблемах. Мне это не нужно. Я решил найти сам, у меня ещё теплилась надежда, что глуповатый австралиец что-нибудь перепутал и никакой войны нет. Но загнав указатель почти в самый угол шкалы я услышал: «от советского информбюро...».

Да... он оказался прав, война... Плохо дело, совсем плохо, наши отступают, немец занимает наши города и сёла. Пал Минск, почти вся Прибалтика, враг подбирается к Смоленску и Киеву. Мою Одессу штурмуют румынские войска. Чёрт, Родина в опасности, а я здесь дурака валяю! Это не патетика и не «красивые» слова, я на самом деле так думаю: сейчас место каждого советского человека в строю! Тем более морского офицера!

Я подумал и принял решение:

– Хэнк, это не обсуждается, теперь я буду вместе с тобой следить за японцами.

Хэнк удивился:

– Как можно, сэр, вы же иностранец! – он явно чего-то испугался.

– Слушай меня, я – русский морской офицер, – тут я перешёл на командный голос, – капитан-лейтенант, и в наблюдении за морем больше тебя понимаю. Сообщи про меня в свой штаб, – я перешёл на приказной тон, – сообщи им немедленно! Понял? Выполняй!

Хэнк совсем растерялся, начал хлопать себя по карманам и что-то искать.

– Ты ищешь шифровальные таблицы?

– Да, сэр.

В Австралии, что умней наблюдателей нашлось? Этот дурачок запросто выкладывает первому встречному все тайны, а вдруг я шпион?

– Ты что, носишь их с собой?

Хэнк удивился:

– Конечно, сэр, они всегда со мной, – он снова похлопал себя по карману, – вот только сейчас их найду.

Шифровальные таблицы носить с собой категорически нельзя! На корабле они находятся в сейфе у шифровальщика, а сама комната шифровальщика – это большой сейф. Носить их с собой – это разглашение гостайны и в военное время карается только одним способом – расстрелом! Странно, что береговой наблюдатель об этом не знает.

– Хэнк, а кем ты был до войны?

– О, сэр, – он широко улыбнулся и преисполненный гордости, поднял указательный палец вверх, – я был охотником на крокодилов!

Он уже хотел рассказать мне про огромных крокодилов, которых он пачками заваливал одной левой, но я его прервал:

– Где таблицы?

– Сейчас, сэр, одну минуту, – он снова засуетился и бро-

сился переворачивать весь хлам в лачуге.

Чувствую это надолго. Я уселся поудобнее и решил дать ему возможность высказаться.

– Так ты говоришь, что крокодилов бил. Опасно, наверно?

Хэнк бросил ковыряться хламе и выпрямился, лицо его озарилось:

– О, сэр, вы когда-нибудь видели корриду? – я слегка кивнул, давая ему понять «конечно, а ты, что сомневался?», – так вот представьте, что бык – это крокодил, а я – матадор! Я отслеживаю крокодила, я его веду, – при этом грузный Хэнк начал неожиданно легко и бесшумно двигаться, изображая слежку, – сначала я прячусь от него, потом выхожу и крокодил отлично видит меня. Я подманиваю его ближе, он плывёт ко мне и уже считает меня добычей, потому что думает, что сильнее меня, но я-то умней! Я даю возможность крокодилу подплыть ещё ближе и когда он уже готов бросится на меня, я наношу ему смертельный удар! – Тут Хэнк выхватил свой огромный тесак, как настоящий мушкетёр сделал им несколько резких, размашистых движений, виртуозно нарисовав в воздухе восьмёрку и перехватив на лету двумя руками, засадил его в воображаемого крокодила. – И огромная бездыханная тварь падает у моих ног!

Красиво излагает, а жонглирует тесаком ещё лучше, мне остаётся только поаплодировать! Интересно, а кто автор этой сказки? Явно, что не сам Хэнк это сочинил. Судя по тому как, он складно рассказывает, он уже неоднократно плёл её

в забегаловках скучающим девицам. Но чтобы приободрить его, я сказал другое:

– Ого, Хэнк, да ты самый настоящий герой! Надо же, один на один сразиться со страшным крокодилом! Ты очень смелый!

Хэнк расплылся в широкой улыбке:

– Да, сэр, вы можете на меня положиться! Я не подведу!

Здесь я уловил новые интонации в его голосе: он уже считает меня командиром, а себя подчинённым. Не знаю, насколько важен этот участок в обороне Австралии, но на должности береговых наблюдателей нужно назначать более подготовленных, а главное умных людей.

– Хэнк, ты нашёл таблицы? Когда у тебя следующий сеанс связи?

Он замер на мгновение, как будто что-то вспомнил, затем хлопнул себя по лбу, с проклятиями выкопал из кучи тряпья армейскую куртку и вынул из её кармана чёрную книжицу:

– Вот они, сэр, я говорил, что они здесь! Но я не могу вам её дать, топ сикрет!

Ну хоть это он знает! Ему было бы хорошо ещё знать, что само наличие этой книжки и тем более место её хранения тоже являются гостайной.

Я понимающе кивнул:

– Добро, пиши шифровку, а я пока пойду пройдуся, осмотрюсь на местности.

Я забрался на вышку и огляделся вокруг. Красотища! Си-

ний океан, голубое небо, жёлтое солнце, зелёные джунгли, прозрачная вода озера, белый песок пляжей. Налюбовавшись прелестями природы, я занялся сугубо военными делами: определил дальность видимости горизонта, необходимые высоты и азимуты. Ещё нужно взять у Хэнка компас и карту и расставить на местности необходимые вешки. Потом оплыть остров по кругу, определить наиболее опасные направления, расставить на них пулемётные гнезда и установить сигнальные мачты для оперативной связи.

Пока я обдумывал как организовать оборону острова из лачуги вышел растерянный Хэнк:

– Сэр, я не смог найти в таблице нужных кодов, поэтому отправил телеграмму открытым текстом. Это будет считаться нарушением, сэр?

Разбираться в австралийских кодах я не счёл возможным, нужно уважать чужие тайны, поэтому решил успокоить Хэнка:

– Не переживай, не думаю, что они предусмотрели такой случай.

Тут запищала рация и Хэнк бросился обратно в лачугу. В австралийском штабе тоже никак не ожидали такого расклада, поэтому решили выяснить всё уже в голосовом режиме. Через бамбуковые стенки весь разговор был отлично слышен.

Кто-то невидимый строгим голосом спрашивал:

– Ты там не пьян, Хэнк?

– Никак нет, сэр! Как можно, я же на службе!

– Как у тебя на острове оказался русский офицер? Ты что не видел, как русские высаживают своего наблюдателя?

– Нет, сэр, это не наблюдатель, по всем признакам – он жертва кораблекрушения. Около месяца назад, я вам уже докладывал, я видел на востоке вспышку похожую на взрыв. А неделю назад к соседнему острову прибило спасательный круг с русской надписью и дубовую дверь.

– Ты его обыскал? У него есть при себе документы?

– Никак нет, сэр, ещё не успел, ждал ваших указаний.

– Немедленно обыщи его и доложи! Всё, конец связи.

Хэнк вышел из домика ещё более растерянный.

– Успокойся, Хэнк, я никому не расскажу, как ты меня в «плен» взял.

– Правда, сэр? – Хэнк посмотрел на меня с надеждой.

– Никому, забудь об этом. У тебя тот круг и дверь ещё остались? – Хэнк кивнул, – хочешь я скажу тебе, что там написано? Дай мне бумагу, я напишу, а ты потом сравнишь.

Хэнк бросился в домик, порылся там и выскочил обратно, держа в руках журнал шифрограмм и карандаш.

– Пишите прямо здесь, сэр, у меня другой бумаги нет.

– Хэнк, а ты знаешь, что все полученные и отправленные шифрограммы нужно сразу сжигать?

На него стало жалко смотреть, он весь съёжился, побледнел и превратился из бесстрашного охотника в забитого по-

прошайку.

– Надеюсь, сэр, вы никому не скажете об этом? – Он посмотрел на меня взглядом преданной собаки.

– Нет, Хэнк, пока это не моё дело, но больше этого не подпускай. Ясно? А теперь давай я напишу, а ты вырвешь этот лист, а сам журнал сожжёшь. И ещё, пока ты будешь сравнивать надписи, я пойду схожу на старое место и принесу свои вещи. Ты сможешь посмотреть на мои документы и положить своим. Понял?

Хэнк бестолково закивал головой, а я взял его винтовку и пошёл обратно. Думаю, винтовка мне пригодится. Кто знает, что в голове у этого австралийца. Он по своей дурости так много лишнего мне рассказал, что за это может и убить.

На старом месте я забрал свою морскую форму и острогу, как единственное имущество, и отправился обратно. Никакого ритуального «прощания по уставу» не было, просто развернулся и пошёл.

Знакомство с местными

Возвращаюсь назад, вот это да! Меня встречает целая делегация дико размалёванных, но совершенно голых аборигенов, вооружённых копьями! Из одежды они носили только длинные, похожие на пики, футляры, надетые прямо на мужское хозяйство. У некоторых папуасов, футляры достигали почти полметра в длину! Посмотрев на этих чудиков, я чуть не рассмеялся: нехилые они фаллоимитаторы на себя напялили, и главное зачем? Рассмешить врагов? Или поразить их этой пикой, если потерял копье?

А в общем всё по плану: благодарные аборигены с почестями встречают русского моряка! Только хлеба-соли не хватает, или что там у них полагается в качестве даров, бананы-кокосы? Ладно, можно и без подарков, лишь бы копьем не угостили.

Позади папуасов скакал Хэнк и усиленно махал руками, показывая, чтобы я поклонился и поприветствовал их. Хорошо, будь по-вашему, я накинул китель, встал по стойке «смирно» и давясь от смеха, громко, командным голосом крикнул: «здравия желаю товарищи туземцы!» и церемонно, в пояс и со взмахом руки, поклонился. Прямо расшаркался в реверансах! Блеск золотых галунов и наград на кителе произвёл на туземцев неизгладимое впечатление, поэтому в ответ они вскинули вверх копья, крикнули что-то вроде «Ха!»,

сделали шаг вперёд и тоже поклонились.

Потом от группы отделились несколько человек и двинулись в мою сторону. Вождя я узнал сразу. У жилистого, бородатого мужика лет сорока на шее, на потрёпанной стропе болталась натёртая до зеркального блеска латунная шестерня, размером с небольшую тарелку.

– Херцлих вилкоммен Херр! – торжественно поприветствовал меня обладатель большой шестерни.

Ничего себе! Откуда он знает немецкий язык?

– Данке гроссер Хауптлинг! – поблагодарил я его.

Дальше он перешёл на английский.

– Хэнк сказал, что спасательный круг и дверь с вашего утонувшего парохода. Очень сожалею о вашем несчастье. Дорогой пароход был? Наверно, много денег стоил? – Он с осуждением покачал головой, – теперь в моём море появилось много чужих пиратов, которые грабят и топят корабли. Раньше этого здесь не было!

После этих слов вождь с достоинством повернулся и в сопровождении свиты ушёл.

– Что это было, Хэнк? – Шепнул я.

– Тебе повезло, парень! – он изменился в лице, – извините, сэр, – на круге и на двери оказалась такая же надпись как вы показали. Я доложил в штаб, и они разрешили вам остаться, сэр.

Я достал свой паспорт моряка и протянул его Хэнку:

– Передай в штаб, чтобы они совсем успокоились. Так за-

чем туземцы приходили?

– Не надо называть их «туземцы», сэр, они – папуасы. Они приходили познакомиться с вами, сэр. Наше правительство хорошо платит вождю, чтобы он помогал мне, то есть теперь нам, сэр.

– А откуда он знает немецкий язык?

– Не могу знать, сэр, сам только что об этом узнал!

Хэнк отправил ещё одну радиограмму с данными моего паспорта моряка, а когда вышел наружу неожиданно спросил:

– Теперь вы будете ночевать в деревне, сэр?

Он прав, нужно искать место для нормального ночлега, лачуга Хэнка, только условно может называться жильём.

– А как же пост? Кто будет наблюдать за морем ночью?

– Не беспокойтесь, сэр, это делает один из местных, – да... хорошо он организовал службу наблюдения. Ладно потом всё исправлю, – так вы идёте со мной в деревню?

– Пошли, – согласился я. Мне вдруг очень захотелось поспать на кровати и поесть горячую еду. Любую, лишь бы горячую!

По пути я наметанным глазом отмечал висящие на деревьях бананы, апельсины, плоды хлебного дерева, и с удивлением увидел бегающих по лесу диких свиней и кур с петухами! Это мне уже начинает нравиться! Если тут правильно организовать продслужбу и камбуз, то можно открывать настоящий ресторан! Долину можно перепахать и засеять чем-

нибудь полезным: пшеницей, рисом или тем, что тут само будет расти.

Хэнк шёл всю дорогу молча, а потом вдруг сказал:

– Извините, сэр, только сейчас вспомнил, вы мне, то есть моему правительству, должны двадцать фунтов.

Я решил, что он шутит:

– Да брось ты, Хэнк, какие могут быть счёты между старыми друзьями. Я выручил тебя, ты – меня.

Хэнк, остановился и я впервые увидел, что он может быть серьёзным:

– Вы так ничего не поняли, сэр, – он вздохнул, – сегодня днём я пришёл за вами, чтобы папуасы не добрались до вас раньше меня. Вы должны знать – они людоеды.

– Хэнк, ты что набиваешь себе цену? – Не поверил я ему.

– Зря вы так, сэр, – он изобразил обиду, – и сейчас они приходили за вами. Но я сказал, что вы наш человек и дал вождю двадцать фунтов. Они не поверили мне, но, когда вы одели свою форму, всё их, и мои тоже, сэр, сомнения исчезли.

Откровенно говоря, это не укладывалось у меня в голове, я думал, что никаких людоедов уже давно нет! Я думал, что они живут в сказках вместе со Змеями Горынычами, Бабами Ёжками, Кикиморами болотными и прочей нечистью. Но если Хэнк говорит правду, то он здорово меня выручил, можно сказать – спас жизнь. В одиночку противостоять племени людоедов я не смогу. Пару ударов копьём и всё, меня

можно варить, жарить, ну или как там они готовят человечинку.

Деревня

Деревня папуасов произвела на меня хорошее впечатление. Я ожидал увидеть такие же как у Хэнка полуразвалившееся лачуги заваленные кучами мусора, но деревенские домишки хоть и были «лачугами», но выглядели добротно и казались крепкими и опрятными. Никаких заборов и изгородей, всё открыто и просторно. На улицах было чисто, сами улицы были прямые и широкие, не то что наши арбатские кривоколенные переулки. Не улицы – проспекты!

Деревня состояла примерно из шести-семи десятков разнокалиберных домов и была построена правильным полукругом с площадью по центру, от которой лучами расходились улицы. По другую сторону площади располагались многочисленные навесы с лодками, пляж и небольшая бухточка с причалом. На краю деревни, почти в джунглях, торчал острый шпиль какой-то церкви. Невольно я искал глазами огромную жаровню или котёл, но ничего не нашёл и спросил у Хэнка, он неопределённо махнул куда-то назад и сказал: «там».

Когда мы спустились и вышли на площадь, нас уже ждал вождь в окружении пяти размалёванных мужиков с копьями и человек тридцати деревенских, в основном женщин и детей. Я почему-то ожидал, что людоеды будут выглядеть как-то по-особенному: огромные челюсти, жёлтые клыки, безум-

ные взгляды... Но эти выглядели совершенно обычно, даже заурядно, только лица у них какие-то суровые. Единственное зримое отличие от нас – местные жители одеждой себя не обременяли. То есть совсем. Лишь у древних старух на поясе весела пара пучков травы, остальные ходили совершенно голые. Мужчины носили на шее целые связки бус, сделанных из красных и белых ракушек, у женщин, помимо одной-двух ниток бус, браслетов на руках и ногах, в волосах торчало штук по десять больших разноцветных гребней, которые выглядели как раздутые ветром паруса. Вот, собственно, и вся одежда.

На площади вождь подошёл к нам и показывая на меня рукой произнёс пламенную речь, во время которой папуасы периодически то кланялись, то поднимали руки вверх. Под конец он запел какую-то занудную песню, вроде похоронной, но папуасы, вместо того чтобы сделать скорбные лица стали радоваться и скакать как сумасшедшие! Мелодия и танец никак не совпадали между собой по ритму и я даже подумал, что это необходимый ритуал перед приготовлением пищи, то есть меня. Сначала вождь рассказал о том, какая честь съесть такого «большого» человека как я, потом спел мне отходную, а затем папуасы стали радоваться вкусному ужину. А что? Очень даже логично.

Хэнк предательски молчал. Никогда не доверяйте англосаксам.

Но всё разрешилось неожиданно просто: вождь взмахнул

рукой, и папуасы тут же остановились. Потом подошёл ко мне, улыбнулся и сказал:

– Будьте нашим гостем, почувствуйте себя как дома, но уважайте наши традиции, а вечером я жду вас на торжественный ужин. Я прикажу зажарить поросёнка!

Спасибо, что не меня!

Народ стал расходиться и вдалеке я заметил одиноко стоящего старика с европейским лицом, одетого в чёрный, как мне показалось, халат.

– Это кто, – тихо спросил я у Хэнка.

– А что вы шепчете, сэр, – удивился Хэнк, – этот старик – местный священник, пастор Людвиг.

– Откуда он здесь? – Не переставал я удивляться местной смеси: вождь-людоед, знающий несколько языков, голое население, христианский священник. Куда я попал?

– Этот священник, сэр, здесь уже лет сорок, с тех пор, как всё вокруг было немецкой колонией. Эти острова, хоть и расположены в пятистах километрах, но относятся к архипелагу Бисмарка.

– А ты откуда это знаешь? – Хэнк никак не похож на знатока истории и географии.

– Пастор Людвиг сам рассказал, сэр. Из Австралии специально проплывал офицер для допроса, он потом со мной кое-чем поделился. Старый Людвиг уже совсем выжил из ума и до сих пор молится за великую германскую империю и за здоровье кайзера. Не думаю, что он будет против нас шпио-

нить. Тут лютеран вообще никого нет, зато в церковь ходят все, это у них единственное развлечение.

Красный цветочек

Мы пошли в хижину Хэнка, он жил не в самой деревне, а там, что у нас называется «выселки». В хижине был такой же бардак, как и в радиолачуге на холме, только соляркой не воняло. Хэнк спал на куче грязного тряпья в углу, мне вежливо предложил разместиться так же:

– У меня тут немного не прибрано, сэр, зато вы можете занять любое, удобное для вас место.

Я критически осмотрел хибарку Хэнка и подумал, что у меня в джунглях было и чище, и уютней.

– Хэнк, а у тебя в Австралии есть свой дом?

– Нет, что вы, сэр, я же охотник, – сказал он с лёгким упрёком, словно я спросил какую-то глупость, – я всю жизнь один по джунглям хожу. Только я, верное ружьё и острый нож! – Последние слова он произнёс с такой гордостью, что обзавидоваться можно, прям поэзия!

– Нет, Хэнк, не обижайся, но я хочу спать на кровати.

– Это можно, сэр! – С готовностью согласился он, – при церкви есть гостиница с кроватью и умывальником. Сам видел!

– Вот давай туда меня и води.

Пастор Людвиг ждал нас около своей церквушки и когда мы подошли, он церемонно перекрестил нас и назидательно

сказал:

– Правильно делаете, дети мои, настоящие христиане первым делом должны посетить церковь. Надеюсь вы лютеранин? – Голос у него был глухой, словно он говорил в трубу: бу-бу-бу... – Как теперь дела в Берлине? Как здоровье нашего любимого кайзера? Мне говорили какие-то нехорошие вещи про него, но я этому не верю! Кайзер Вильгельм всегда был таким рассудительным и крепким мужчиной! Я его знаю с самого детства, представляете, я учился с ним в одном классе! (Это возможно так и было, будущий кайзер учился в обычной городской гимназии). – И тут без перехода, – но сегодня службы уже не будет – сказал старик и не прощаясь пошёл в церковь.

– Пастор, – окликнул его Хэнк, – мы пришли не только на службу. Сэр Алекс хотел поселиться в вашей гостинице.

Старик замедлил на мгновение шаг, крикнул куда-то в джунгли: «Магдалена!», и поковылял дальше.

Через полминуты к нам выскочила одетая как монашка молодая, высокая, красивая мулатка, лет двадцати. Старик что-то пробурчал ей на ходу, она повернулась к нам, оценивающе рассмотрела меня с головы до ног и весело подмигнула. Потом быстро поклонилась и показала рукой вперёд: «следуйте за мной». Увидев красивую мулатку, Хэнк прищелкнул «ого!», похотливо потёр руки и стал пялиться на неё во все глаза. Я быстро попрощался с ним и пошёл за монашкой.

Монашка и в правду, сильно выделялась на фоне тех женщин, которых я сейчас видел в деревне. Те были черные как солдатский сапог и все, как на подбор, страшненькие. Эта была не чёрная, а лишь немного смуглая, с длинными, вьющимися волосами и с правильными чертами лица. Именно таких экзотических красавиц изображают на плакатах, предлагая посетить «тропический рай» на островах Французской Полинезии. Именно таких женщин пытался изобразить на своих знаменитых полотнах французский художник Поль Гоген. Жаль, что у него из этого ничего не вышло – рисовать он не умел совсем, только красоту испортил.

Но не это самое главное! Красота – это, конечно, очень хорошо, но у монашки было то, что ценится гораздо больше – у неё был шарм. То, как она на меня смотрела, как заигрывала глазками, как поворачивалась и делала взмах рукой... В её взгляде было не простое кокетство и в мыслях у неё была не мимолётная интрижка, тут что-то значительно больше. В её движениях было что-то неуловимое, то, что заставляет приглядеться к женщине внимательней. Именно это, неуловимое, цепляет мужиков как корабль станovým якорем, именно таких женщин выделяют из толпы остальных, именно они врезаются память навсегда.

Гостиница оказалась пристроенным к церкви фанерным ящиком с микроскопическим окном. Но внутри оказалось чисто и даже уютно – чувствовалась заботливая женская ру-

ка. В одном углу ящика стояла железная кованная двуспальная кровать на неё сидел рыжий, облезлый котёнок без одного уха. В другом углу на безногой табуретке стоял побитый медный таз, глиняный кувшин без ручки и букетик цветов в железной солдатской кружке. Другой мебели не было. Я сел на кровать и немного покачался – отличная кровать, и матрас в меру мягкий. Ещё бы подушку, простыню и одеяло до полного комплекта.

– Ты говоришь по-немецки? – обратился я к мулатке.

– Я, я, герр Алекс, я уже десять лет служу у пастора Людвига. Он научил меня.

– Тогда принеси мне постельные принадлежности.

Моя просьба поставила её в тупик, она даже развела руками, показывая своё недоумение.

Я стал показывать жестами, что мне нужно, потому что сам забыл, как будет по-немецки «наволочка» и «простыня». Магдалена глупо смотрела на меня, потом, видимо, поняла и выбежала на улицу. А я тем временем прилёг на кровать и чувствую: всё, засыпаю.

Спал я недолго, кто-то стал аккуратно трясти меня за плечо. Открываю глаза: вот это да! Передо мной стояла совершенно голая Магдалена, на губах красная краска, на щеках румяны, к волосам приколот большой красный цветок. Она загадочно улыбалась белозубой улыбкой и всем видом показывала жгучее желание отдаться мне прямо сейчас. Она томно простонала, присела на кровать и стала нежно гладить

МОИ ВОЛОСЫ:

– Герр Алекс, – начала она ласково, – белых женщин в деревне нет. Но я тоже красивая, – вдруг сказала она с вызовом, – посмотрите! – Магдалена выгнулась вперёд и подняла руки вверх, чтобы я лучше смог разглядеть её грудь, – видите: я лучше белых! – Она явно собой гордилась. – И, пожалуйста, не называйте меня «Магдалена», меня зовут Ма-Фи, по-нашему – это «красный цветок», вот такой как у меня в волосах, – она кокетливо покачала головкой, – правда, очень красивый?

На счёт всех белых женщин не скажу, но что она была красивее многих – это факт! Да что там многих, большинства! Но сейчас она в мои планы не входила никак, я просто вырубался как хотел спать, и смотрел на все её прелести одним затуманенным глазом. Красавица поняла, что сейчас я ни на что не способен, кинула на меня презрительный взгляд и недовольно процедила:

– Об этом я с вами поговорю завтра.

Тут меня осенило, и я засмеялся:

– Ма-Фи, ты очень красивая девушка, правда, – я погладил её по смуглой спине, кожа такая нежная, как бархат, – но я хотел белую простыню, а не белую женщину!

Она резко развернулась ко мне:

– Вы, что думаете, я – глупая дикарка? Я прекрасно поняла, что вам нужно! – если хотите, то можете забрать свою постель, – и показала рукой в угол. Затем встала, поверте-

лась передо мной поправляя волосы и хвастаясь своей прекрасной фигурой, но тут видимо вспомнила, что она для меня служанка, а не жена, и уже примирительно, – вам скоро нужно идти к вождю, я помогу вам собраться.

– Давай минут через пятнадцать, – у меня уже слипались глаза.

– Хорошо, как прикажете, герр Алекс, – проворковала она с хитрой улыбкой, и тут же легла рядом со мной! В кровати она прижалась ко мне со спины, прошептала что-то ласковое на ухо, поцеловала в шею, запустила руку под тельняшку и стала гладить грудь. Я взял её руку в свою и мгновенно за-снул.

Дом вождя

Дом вождя находился недалеко от площади в небольшой банановой роще и выглядел как настоящий бамбуковый дворец. Купол центральной части, хоть и был покрыт листьями, но образовывал правильную шестигранную пирамиду, на самом верху развивался какой-то флаг, похожий на пиратский. От центра в стороны полукругом расходились пристройки поменьше тоже с куполами и флажками. Парадный вход был сделан в виде широкого двухскатного навеса с колоннами. Между ними были натянуты верёвки с художественно навешанными пучками разноцветной травы. В оформлении дворца присматривался даже некоторый вкус, а человек, который его строил прекрасно разбирался в таких вещах как пропорция и перспектива. Если дворец сделать из камня и прорубить где нужно окна, то он будет очень гармонично смотреться где-нибудь в западноевропейском поместье. Да и сама деревня была не беспорядочным скоплением домов, а образцом правильного деревнестроения. Интересно, кто всё это сделал?

Справа от входа на двух огромных валунах лежала здоровенная столешница, сбитая из толстых досок. Под столом стояла трёхногая табуретка, видимо рабочий трон. На столе ровными пачками лежали разные бумаги, придавленные сверху камнями, ракушками и кокосовыми орехами. В

дальнем углу одиноко стоял человеческий череп, в пустых глазницах торчали перьевые ручки. Ого, вождь, оказывается, ещё и грамотный! Я не переставал удивляться.

Перед домом на столбах стоял большой круглый шатёр, внизу по периметру, вместо сидений, были разложены вязанки пальмовых листьев, в середине дымил очаг. На против входа в дом на большой куче вязанок гордо восседал вождь с целым лесом белых перьев в волосах и в истёртом германском френче, времён первой мировой, без рукавов и пуговиц, но зато с начищенной до блеска бляхой полевой жандармерии на груди. По кругу сидели «почётные» папуасы, но уже совершенно голые, у всех на лбу были намалёваны широкие красные полосы, а вокруг рта чёрный круг. Зубы и губы тоже были покрашены черным. Выглядело очень жутко – настоящие людоеды! Рядом с вождём как ни в чём ни бывало сидел Хэнк и с аппетитом что-то ел.

Увидев меня, вождь махнул мне рукой как старому знакомому и крикнул по-немецки:

– Ком цу мир! – И показал на пустое место рядом с собой.

Только я сел, ко мне подбежал мальчик и подал здоровенный кусок свиной ноги на банановом листе. Я уже же забыл, когда ел мясо, и сразу вцепился в него зубами. Нога была обгоревшей снаружи, но сырой внутри, несолёная и отдавала чем-то неприятным. Но это меня не могло остановить, через пару минут от ноги остались лишь одни кости. Наевшись я откинулся назад, протянул ноги и погладил себя по животу.

Красота! Так жить можно.

Тут ко мне обратился вождь:

– Сэр Алекс, Хэнк говорит, что вы из России. Я знаю где находится эта страна! – Он поднял вверх жирный от свинины палец, давая понять всем остальным, что эти знания только для избранных, то есть для вождей. Пока он говорил, все присутствующие молчали, смотрели на него и одобрительно кивали, хотя вождь говорил со мной по-английски. Я сделал серьёзный вид и тоже с пониманием покачал головой: ну как же, конечно! Вождю это понравилось. Он подозвал мальчика, что-то ему сказал и тот стрелой метнулся в дом. Вождь наклонился ко мне и доверительно зашептал:

– Сейчас я покажу вам кое-что очень интересное.

Мальчик прибежал, держа в руках свёрток чистой, белой материи и передал его вождю. Тот положил свёрток перед собой, обтёр руки о френч и осторожно развернул. Там лежали учебник немецкой грамматики для начальной школы, учебник арифметики, тоже на немецком и ещё какая-то толстая книжечка. Её-то и дал мне посмотреть вождь. Я тоже обтёр руки об тельняшку и взял её в руки. Интереснейшая книга! Что вроде учебника истории, географии и природоведения одновременно. Со множеством интересных картинок про города и страны, про реки, моря и океаны, про растения и животных, про людей и их быт, про достижения науки и техники, и ещё множество разнообразных карт. Вот только год издания был 1905. Я с интересом листал книгу и каж-

дую картинку хвалил вождю, потом вождь сам стал рассказывать мне про них с многочисленными комментариями и собственными суждениями, и выводами. Как ни странно, он оказался, в некотором роде, образованным человеком. Умным и рассудительным. Мне он начал нравиться. Странно, что он людоед. Или это всё выдумки Хэнка?

Я продолжал листать книгу пока не открыл раздел про Океанию. На первой же странице была статья про людоедов и картинка, как несколько папуасов тащат на костёр привязанного к палке другого папуаса. Многословный до этого момента вождь вдруг замолчал, поднял голову, строго посмотрел мне в глаза, от его взгляда мне стало не по себе, сказал: «вам ещё рано об этом знать», и сам перевернул несколько страниц. После этого он снова, как ни в чём не бывало, стал много рассказывать, спрашивать и смеяться. Вроде бы всё хорошо, но, как говорится, осадочек остался.

После просмотра книги мне снова подали большой кусок свинины с жареными бананами и плодами хлебного дерева. Теперь я уже не торопился, а ел медленно, смакуя каждый кусочек. Мясо было прожарено до нужной кондиции и было гораздо вкусней, чем в первый раз. После мяса папуасы сплясали какой-то ритуальный танец и снова расселись по местам. Вождь встал и крикнул короткую команду, что-то вроде нашего «пли!» и сел на место. Папуасы заметно оживились и даже стали тихонько переговариваться между собой, до этого они молчали как рыбы. Тут выскочили мальчишки и

раздали каждому по небольшой чашке, сделанной из половины кокосового ореха. Потом вышел папуас в переднике и с большим грязным тазом в руках. Все папуасы стали нетерпеливо ёрзать на своих местах. Папуас с тазом подошёл к вождю, поставил таз перед ним и упал на колени. В тазу плавала какая-то совсем неаппетитная серо-коричневая бурда. Вождь с серьёзным видом зачерпнул чашкой эту бурду, критически принюхался и выпил залпом! После этого он снова дал команду «пли!», и жестом предложил мне попробовать. Деваться некуда, пришлось вежливо поклониться, ещё бы – такая честь! Я зачерпнул из таза, быстро выпил, проглотил и в крайне обтекаемых выражениях похвалил это пойло.

Это была знаменитая кава – единственный алкогольный напиток во всей Океании. Какой у неё вкус? Вкус грязной, горьковатой воды из лужи, смешанной с мылом. Ещё она немного вяжет рот. Вообще по вкусу – полнейшая гадость. Но кава, в отличие от настоящего алкоголя не пьянит. Совершенно! Нужно выпить несколько литров кавы, чтобы получить хоть какой-то алкогольный эффект. А вот как её делают, я рассказывать не буду, а то, боюсь, вы дальше читать не станете.

Выпили ещё по паре раз, и тут вождь наклонился ко мне и явно гордый собой, махнул как сеятель рукой вокруг и сказал:

– Посмотри какая красота! Это я всё построил!

На улице была уже ночь, хоть глаз коли, но я сразу понял,

что он говорит про свой дворец и деревню. Вообще, я внезапно стал понимать его очень хорошо. И его, и, что странно, других папуасов, потому, что вдруг какой папуас встал и обращаясь ко мне сказал:

– Лёх, расскажи нам как ты по океану на двери плыл?

Прямо так и сказал! Слово в слово! Но я почему-то не удивился этому, а стал рассказывать. Само-собой по-русски! Все с интересом слушали меня, переспрашивали и уточняли тоже, естественно, по-русски, где надо смеялись и поддакивали! И я их, и они меня прекрасно понимали!

Я плёл свои сказки, потом слушал чужие, плясал вокруг костра и пел папуасские песни до самого рассвета. Уже под утро я без сил упал в кусты и заснул безмятежным сном младенца.

Разбудила меня Ма-Фи, она с недовольным видом растормошила меня и попыталась поднять:

– Герр Алекс, как же так можно! – стала беззлобно выговаривать она, – белые господа должны спать в кровати на белой простыне, а не в грязных кустах!

Я приподнялся, чувствую в голове полнейшая ясность, никаких признаков бодуна. Вообще! Только руки-ноги как деревянные и страшно хочется спать. Сколько я вчера выпил кавы? Не помню. Короче много. И ни в одном глазу! Даже традиционного «сушняка» нет. Я встал на ноги – хромать и идти на несгибающихся ногах будет сложно, но в общем-то

всё хорошо! Станный напиток эта кава. Но надо с ней за-
вязывать.

Ма-Фи стала меня отряхивать:

– Вот видите, вы весь испачкались. Разве так можно? Бо-
же, а это что? – Она показала на жирные пятна на тельняш-
ке, – вчера этого не было. Вы что, об неё вытирали руки? О,
боже милостивый... – вздохнула она.

Ма-Фи довела меня до гостиницы, поставила посреди
комнаты и стала командовать:

– А теперь раздевайтесь, герр Алекс, – с напускной стро-
гостью сказала она, – я постелила нам чистую постель, так
что будьте добры, снимайте вашу грязную одежду, и я вас
помою.

Уже «нам» постелила? Нам – это мне с ней? Тут одно из
двух: или она путается в местоимениях, или моё мнение ей в
расчёт уже не берётся. Не рано ли девочка это решила? Даже
бывшая жена со мной так не говорила. Хотя бывшей и голову
бы не пришло так ухаживать за мной. Правильно я сделал,
что с ней развёлся.

– Вы будете сами раздеваться, герр Алекс, – прервала мои
размышления Ма-Фи, – или вам помочь? – Её голос стал лас-
ковым, так говорят, когда хотят успокоить непослушных де-
тей.

Я снял тельняшку и остановился в нерешительности. Ма-
Фи поджала губки, красноречиво перевела взгляд вниз и
приподняв брови показала ладошкой на трусы. (С тех пор

как я высадили на остров, то всё время ходил только в тельнике и в синих флотских трусах по колено.)

Ма-Фи с небольшой укоризной покачала головкой, потом хитро улыбнулась, закусил уголок нижней губы, резко присела, одним движением стянула с меня трусы и брезгливо, двумя пальчиками, бросила в угол. Затем достала из-под кровати большое корыто, усадила меня туда, стала поливать водой и натирать каким-то мыльным корнем.

Давно я не мылся с мылом, а женщина не мыла меня уже лет сто, или даже двести. Ма-Фи напевала какую-то весёлую песенку и очень старалась. А я млел от прикосновения её ласковых пальчиков, нежных звуков песенки и от заботы, которой окружила меня эта красивая мулатка на самом краю света.

Когда закончила мыть, красавица вытерла меня полотенцем насухо и уложила в кровать. Сама быстро прибралась, легла рядом и обняла.

– А теперь спите, герр Алекс, я не буду вам мешать, – сильно прижалась, поцеловала и горячо зашептала, – можно, пока мы одни, я буду называть вас «мой Алекс»?

– Не, если хочешь сделать мне приятно, то называй меня «Алёша».

Девочка прижалась ко мне покрепче и так мечтательно произнесла: «Олеса...»

Ладно, пусть будет так, уж лучше, чем «Альёша»...

Островная жизнь

На следующий день я решил осмотреть остров, но Хэнк меня остановил, по его словам, для этого нужно «высочайшее» разрешение вождя.

– А он его никогда не даст! – Сказал он с видом знатока.

Ловец крокодилов явно не хотел что-либо делать. Не на того напал! Сейчас я быстро научу тебя и службу, и родину любить.

– Я тебя понял, – сказал я с угрозой, – не хочешь – не ходи к вождю. Давай, отправляйся на пост и понаблюдай там, а вечером письменно доложишь мне обстановку в прилегающих водах. Если ничего важного не случится, то напишешь в каком направлении, с какой скоростью и в какое время дул ветер, сколько раз, куда и в каком количестве летали чайки, про высоту и интенсивность волн, про форму и размер облаков, в общем обо всем, что видел. Три страницы. Ясно?

Хэнк оторопел от такого приказа и стал нетерпеливо топтаться на месте:

– Виноват, сэр! Такого больше не повторится. Разрешите мне пойти с вами?

– А что так? – Стал я воспитывать его как молодого, ленивого матроса, – передумал? – Хэнк согласно затряс головой, – а я вот нет!

Хэнк взмолился:

– Сэр, прошу прощения, очень прошу вас, разрешите следовать с вами. – Потом, подумав, добавил, – я буду выполнять любой ваш приказ.

– Ты, что Хэнк, забываться стал? Ты и так обязан выполнять все мои приказы! Ладно, на первый раз прощаю. Иди за мной.

Вождь сидел за своим каменным столом и увлечённо читал какую-то бумагу. Мы подошли и спросили разрешения обратиться. Вождь оторвался от чтения и сказал:

– Да пожалуйста, господа! Прошу, не надо никаких церемоний, можете обращаться ко мне в любое время, даже ночью. Я потом прикажу принести для вас стулья, а пока вам придётся постоять. Сидеть передо мной имеют право только те, кому я лично разрешу. Так с чем пожаловали, джентльмены?

– Большой вождь (это его имя и титул одновременно), я хотел бы осмотреть остров. Определить наиболее опасные направления и решить, как организовать наблюдательную службу. И ещё мне нужен проводник.

– Это мне нравится! Сразу видно, что вы – военный человек! Можете передвигаться по острову как вам будет угодно и в любое время. А вот проводника я вам не дам! – Вождь выждал паузу и хитро подмигнул мне, – Я сам вас везде проведу! – И засмеялся. Мы тоже оценили его шутку. – Если у вас есть немного времени, не откажите мне в удовольствии

показать вам моё хозяйство.

Выбора у нас не было, и мы любезно согласились. Вождь всё-таки, как ему откажешь? Да и мне самому было интересно посмотреть.

Вождь встал, крикнул двух бойцов с копьями, и мы двинулись в глубь острова. Сразу за деревней я увидел целую рощу деревьев с невероятно толстыми стволами. Реально – не меньше полутора метров в поперечнике! В стволы на протяжении метров пятнадцати по высоте были забиты клинья, которые их распирали. Тут же услышал ритмичные удары, то ли топора, то ли молотка, вождь перехватил мой взгляд и сказал, что это столярка и лодочная мастерская. Но пока лодка строится на неё посторонним смотреть нельзя – плавать не будет, и сама утонет и людей погубит. Вот когда её шаман на воду спустит, вот тогда можно будет и смотреть, и трогать, и даже в ней посидеть.

Дальше ровными рядами, на сколько хватало глаз, росли кокосовые пальмы, под ними собирали орехи мужчины.

– Это плантация, мы здесь копру собираем, волокно кокосового ореха. Её охотно покупают белые и набивают ей свою мебель. А вон там, – вождь показал рукой направо, растут кофейные деревья. Их тоже хорошо покупают. Как вы пьёте эту гадость? – Он повернулся ко мне и соорудил кислую физиономию, – фу такая гадость!

Я подумал про себя, что кава, тоже та ещё гадость, а вот кофе я бы сейчас с удовольствием выпил.

Дальше шли другие плантации ровными рядами уходившие за горизонт. На всех копошились люди, что-то собирали, переносили и вообще было впечатление, что здесь всё очень хорошо организовано.

– Большой вождь, разрешите выразить вам моё восхищение! – Высокопарно высказал я своё удивление.

– Да, бросьте, сэр Алекс, этот дворцовый этикет. Тут моей заслуги мало. Это начал делать ещё мой дед, я – просто продолжатель, – стал прибедняться он, – давайте присядем, я вам кое-чего расскажу, думаю у вас ко мне много вопросов накопилось.

Барон фон Курицын

Вождь сел, неторопливо набил глиняную трубку своим во-
нючим самосадом, хорошенько затянулся, выпустил дым, от
которого передохли все комары в радиусе километр, и начал.
В детстве он, вместе с двумя братьями и старшей сестрой,
учился в немецкой школе в Рабауле, на острове Новая По-
мерания. Сейчас этот остров называется Новая Британия, в
двух с половиной тысяч километрах отсюда, тогда там была
столица Германской Новой Гвинеи. Но проучился он всего
пять лет – началась Первая мировая и все крупные острова
немецкой колонии захватили австралийские войска, а самые
дальние и мелкие были сданы японцам без боя.

Наш архипелаг состоял из девяти островов, из них обита-
емыми были только пять, остальные – это скалы, торчащие
из воды. На картах архипелаг называется – острова Дагг, в
честь какого-то английского капитана, а у местных в ходу
другое название – Пого-Туи, Синие острова. Самый круп-
ный как раз наш, он тоже называется Пого-Туи. На сосед-
них островах живут маленькие племена – человек по сто –
сто пятьдесят и экономически полностью зависят от доброй
воли вождя Пого-Туи, который продаёт им товары по зани-
женным ценам, а покупает по установленной. Взамен мел-
кие островные вожди проявляют к нему полную лояльность
и несут свою часть службы по наблюдению, охране и обороне

островов. Большой вождь, здесь вроде главкома.

Когда здесь правили немцы, за этим, и двумя соседними архипелагами, присматривал жандарм – молодой барон Хайнц фон Хунердорф. (По-русски его фамилия звучит как «Куриная деревня», и если не понимать немецкий, то кажется, что это очень даже солидная фамилия. Наверняка предки барона разбогатели на разведении и продаже кур, или, что скорее, силой и угрозами обложили данью односельчан-куроводов.) Барон был на островах одновременно и судом, и полицией, и старшим наместником Бога на земле.

В начале века в Германии, да и вообще в Европе, были очень популярны идеи Маркса. Помните: «призрак бродит по Европе – призрак коммунизма». Вот и барон, потомок мрачных тевтонцев, не остался в стороне, начитался революционной литературы и ударился в марксизм. (Черт, есть, оказывается, идейные, а меня каждый год из-под палки заставляли писать конспекты и сдавать зачёт по марксизму-ленинизму!) Барона за отклонения от генеральной имперской линии быстренько вытолкали из армии, разжаловали и сослали куда подальше, с глаз долой, чтобы не сеял в войсках идеи всеобщего равенства и братства.

Барон-куровод был не только идейным марксистом, но и крупным землевладельцем, (как у него в голове уживались две противоречащие друг другу вещи: коммунизм и землевладение, не знаю), поэтому как правильно вести хозяйство он знал не понаслышке. Старый вождь много беседовал с ба-

роном и тоже проникся новыми революционно-хозяйственными идеями. Для начала вождь поотнимал у хозяев пустующие земли и раздал её беднякам, попутно подавив бунт и расправившись с недовольными. (Догадываюсь какими методами в племени людоедов наводят порядок.) По совету барона организовал мастерские и завёл плантации. Стал за свой счёт оплачивать врачей и отправлять наиболее сообразительных мальчиков и девочек учиться. Теперь в племени есть плотник, агроном, ветеринар и фельдшер! Затем установил справедливые налоги и вменяемую систему наказаний. Кстати, мужики с копьями – это местная полиция.

Изменения коснулись даже самого святого – личной власти вождя! Был учреждён совет старейшин из самых уважаемых папуасов, которых избирали на всеобщих выборах. Но, как я понял, это было сделано не во имя торжества демократии, а для распределения ответственности и для облегчения поиска виноватых. Вождь, принимая непопулярное решение, всегда мог ткнуть пальцем на старейшин и сказать: это они!

Раньше деревня представляла собой беспорядочное скопление домов, разделённых кучами мусора и пустырями. На тонкую душевную организацию барона это действовало угнетающе. Он убедил вождя, и тот приказал снести деревню и на её месте построить новую, но уже по плану. Ломать и строить бамбуковые хижины можно хоть каждый день, поэтому уже через неделю папуасы радостно ходили по широ-

ким «проспектам», а барон удовлетворённо смотрел на свою «саксонскую» деревню. Новый дворец вождя, вообще, казался островитянам чудом архитектуры! (До этого вождь жил в такой же грязной лачуге, как и все)

Дальше барон обратил свой пытливый взгляд на неравноправие. Женщины с утра до ночи работали, а мужики, с утра на рыбалку сгоняли, да и то не все, а потом целый день сидели у своих лачуг на корточках и по вечерам пили каву. Больше ни делали вообще ничего! Барон предложил распределить мужской состав племени по бригадам: рыбаки, лесорубы, полеводы, сборщики орехов, животноводы и прочие колхозники. И отправить их работать на плантации, скотные дворы и в мастерские, пусть работают на благо острова. (Ничего не напоминает?) Женщинам оставить домашнее хозяйство, детей и кур. А для развлечения разрешить им плести верёвки и канаты, вышивать крестиком здесь как-то не принято.

Ещё барон предложил правильно организовать досуг, потому что все революционные идеи лезут в голову исключительно от безделья. Нужно, чтобы личный состав всегда был занят делом и желательно под тотальным присмотром командования. (Тут я с бароном двумя руками согласен!) За досуг мужчин взялся лично вождь. А что тут мудрить? Наливай, да пей! За женщин взялась сестра вождя. Она училась пению и танцам в Рабауле, поэтому все женщины были вовлечены в самодеятельность, пели и плясали на радость во-

ждю и племени.

Со временем вождь наладил внешнюю торговлю, теперь маленький островок стал самым крупным поставщиком всего сразу в окрестностях на сотни миль вокруг. Остров продавал: свиней, кур, копру, кофе, табак, редкие виды бананов, сушёную рыбу, разноцветные ракушки, доски и самое главное – лодки. По словам вождя – самые лучшие на всём Тихом океане.

Теперь захудалый островок стал одним из самых богатых, чистых и здоровых. Видя такую красивую жизнь на остров косяком поплыли переселенцы, но здесь никого не приняли. Чужие здесь не ходят! Вождь начал вести политику самоизоляции и установил драконовские пошлины на проживание на острове. Даже жениться без его разрешения было нельзя!

За тридцать лет на остров четыре раза нападали объединённые армии с других островов. (Армии – это пять-шесть лодок и около ста бойцов). Крайний раз, двенадцать лет назад, враги захватили в плен старого вождя и старшего брата нынешнего, и сожгли деревню. С тех пор на острове была организована «береговая служба наблюдения». Но как-то странно – только днём, потому, что «ночью надо спать!».

На западном берегу острова ещё есть одна деревня, но маленькая, человек на пятьдесят, ею мудро правит младший брат вождя. Она так и называется «младшая деревня», там, в основном, занимаются рыбалкой и сбором редких ракушек. Младший во всем подчинялся старшему, а старший не лез

во внутренние дела младшего.

На остров раз в месяц-полтора приходит большая, по местным меркам, парусная шхуна, загружается местными товарами и продаёт свои. Везут сюда всякую ерунду, которая на острове совсем не нужна: утюги, швейные машинки, комнатные камины, даже шапки и зимние пальто! Папуасы, у которых на руках много денег, с радостью покупают втридорога это барахло и хвастаются друг перед другом. Бывает в лачуге валяется по углам целая куча ржавых утюгов, сковородок и примусов! Как их использовать местные не знают!

Бешённым спросом пользуется женская косметика и платья, а также разные зеркала. Местные женщины какие-то зеркальные маньячки! Зайдя в лачугу сразу оказываешься в зеркальном магазине, все стены по кругу увешаны разнокалиберными зеркалами в тяжёлых бронзовых рамах.

По воскресеньям вся деревня идёт на службу в церковь, женщины намазывают на лица всю имеющуюся косметику, единственный раз одевают платья, обрезанные значительно выше колена, и шляпки, а мужчины – белые рубашки, сюртуки и цилиндры, штаны здесь не уважают. По дороге женщины хвастаются своим диким макияжем, платьями и несуразными шляпками, естественно с обливанием грязью соперниц. В церкви папуасы молча стоят со скорбными лицами и слушают песнопения пастора Людвиг. Ма-Фи, уже в сутане по размеру, в одиночестве стоит на клиросе, изображая хор, и старательно поёт псалмы. После службы модное дефиле

продолжается уже в другом направлении, и тоже с поливанием грязью, но уже буквально. Могли и камнем кинуть.

Интересный рассказ, но мне от вождя нужно другое. Я рассказал ему про свой план организации службы и обороны острова. Тот согласился и провёл меня по берегу, потом залезли на горный кряж, определили опасные направления и решили построить там каменные опорные пункты. Для наблюдения решили привлечь детей и молодёжь, и установить круглосуточную службу.

Жизнь с Ма-Фи

Когда с организацией службы было закончено, я решил внести свой вклад в уют нашего с Ма-Фи дома. Сколотил из досок стол, несколько стульев и табуреток, соорудил небольшой навес над ними и поставил в тени пальм большую широкую лавочку, для чего вождь лично выделил мне под счёт несколько десятков ржавых гвоздей. Никак не могу привыкнуть, что сюда нужно завозить даже такую мелочь! Надо посоветовать вождю, чтобы завёл на острове кузнеца.

Сижу за новым столом с аппетитом завтракаю, вокруг бегают Ма-Фи, подавая мне разные вкусные блюда, при этом не переставая трещать в своём духе. Я не слушаю, а люблю её точёной фигурой, красивым лицом и плавными движениями. Красота! Голая Ма-Фи была так естественна в своей наготе, что я уже почти привык к этому. Хотя, как к этому можно привыкнуть? Вызывающие изгибы её тела возбуждали меня так, что я еле сдерживался! Нам, советским людям, красивые голые женщины могли только сниться, а тут – пожалуйста, смотри сколько хочешь. И не хочешь – тоже смотри!

Я плотно поел и развалился на лавочке под пальмами. Только прикурил, смотрю, ко мне идёт Хэнк и издалека машет: разрешите, сэр? Я лениво махнул ему рукой: валяй. Хэнк сел, закурил и начал что-то рассказывать, но вдруг

замолк на полуслове и ошарашенно уставился в сторону. Из кухни выходила великолепная, сногсшибательная, ослепительная, завораживающая своей красотой и, естественно, полностью обнажённая Ма-Фи! Красавица в полголоса пела песенку, плавно, в ритм песенке, покачивала крутыми бёдрами и счастливо улыбалась всему миру.

Во мне всё сразу закипело, и я чуть не крикнул:

– Хэнк! Что ты там увидел?! Это всё моё!

Австралиец тут же потупил взгляд, что-то невнятно пробормотал и быстро, воровато оглядываясь, ушёл.

Подошла Ма-Фи, села рядом и смотря на небо тихо спросила:

– Алёша, зачем ты прогнал Хэнка?

Я был вне себя от злости, но собрался и спокойно сказал:

– Цветочек, ты больше не будешь ходить без одежды. Хорошо?

Девочка, продолжая смотреть на небо, прищурила глазки, чуть поджала красные губки, помолчала немного и тихо ответила:

– Как прикажете, герр Алекс.

Вечером Ма-Фи обняла меня и как бы между прочим снова спросила:

– Алёша, почему ты прогнал Хэнка?

Интересно, зачем ей это нужно?

– С чего ты взяла? Он сам ушёл. – Я не врал, формально

так и было, он сам встал и ушёл.

Ма-Фи помолчала с полминутки.

– Я так и подумала, мой господин. – В её голосе было торжество, – ты меня ревнуешь, и мне это очень нравится! – Она, прижалась сильнее и стала целовать, – любимый, мой...

Утром Ма-Фи была в полном монашеском облачении, размера на два больше, чем надо. Роскошные, длинные, волнистые локоны, которые так нравились мне, были кое-как собраны в старушечий пучок на затылке. Сама девочка стояла не как всегда с гордой, прямой осанкой и высоко поднятой головой, а была поникшая и сгорбленная, точно забитая нищенка на паперти. Только в глазах горел хитрый огонёк.

– Доброе утро, герр Алекс. – Совершенно без эмоций сказала она и поклонилась в пол.

– Доброе, доброе. Ты что с собой сделала? – Сказал я ласково и улыбнулся.

Девочка изобразила на своём красивом личике крайнюю степень удивления.

– О чём вы говорите, мой господин, глупая Ма-Фи вас не понимает.

Я рассмеялся и обнял её:

– Хватит дурачиться, снимай это всё!

Красавица выпуталась из моих объятий и с деланным испугом произнесла:

– Как можно, мой господин, вы же сами приказали мне

так одеться!

Вот женщина! Уже манипулирует, хочет, чтобы я её «правильно» попросил, с извинениями. Не будет этого. Пусть пока походит в монашеском балахоне. Это я, как-нибудь, переживу.

Ма-Фи поняла, что переиграла, насупилась и до самого вечера на снимала неудобной одежды, страшно мучилась от жары, путалась в длинном подоле и даже два раза упала. Я про себя смеялся над ней, но был непреклонен. Перед сном красавица с наигранным страхом скромно спросила:

– Герр Алекс, можно я буду спать без одежды?

Что ей сказать? Разрешить или нет? Или пусть ещё помучается. Ладно, шучу. Вдруг мне её стало жалко. Я улыбнулся, прижал к себе, распустил волосы, которые черным водопадом упали на плечи, расстегнул балахон и сбросил его вниз.

– Вот такой ты мне больше нравишься.

Девочка засмеялась, запрыгнула на меня и стала целовать...

Потом, всё же, я определил, когда она может ходить в одежде, а когда без. Ма-Фи отчаянно торговалась, ссылалась на нестерпимую жару и местные традиции, и, в конце концов, выложила на стол главный козырь:

– Я – самая красивая на острове, а ты меня стесняешься! Каждый мужчина гордился бы, если я стояла рядом. А я не

только рядом с тобой стою, я – люблю тебя, бегаю за тобой, ухаживаю за тобой, но ты не ценишь этого!

В её голосе было разочарование, что я не понимаю своего счастья, и ни во что не ставлю её превосходство над другими женщинами. Вот что делать? Она снова припёрла меня к стенке! Теперь мне нужно срочно искать компромисс.

– Хорошо, цветочек, я куплю тебе новую, красивую одежду.

Ма-Фи обиженно надула губки:

– Не нужна мне никакая одежда, я хочу ходить голой!

Женщина – есть женщина. Хоть белая, чопорная европейка, хоть эмансипированная американка, хоть смуглая туземка с далёких островов. Девочка ещё минут пять пообижалась, потом женское любопытство взяло верх, и она воодушевлённо спросила:

– Ты правда купишь мне красивую одежду?

И тут я подумал: вот у нас девушку нужно упрашивать, чтобы она разделась, и, если она вдруг поддастся на твои уговоры, то будет раздеваться со словами «отвернись, я стесняюсь» или в полнейшей темноте, и сразу прыгнет под одеяло. В общем ничего не видно. А здесь не просто «видно», здесь можно рассмотреть всё в самых мельчайших деталях! И не «одним глазком», а как на витрине! Более того, прекрасная как Афродита, обнажённая Ма-Фи ещё возмущается, что я заставляю её одеваться и не сверкать своей красотой! Вот такой парадокс: у нас приходится долго просить раздеться, а

тут наоборот, чуть ли не приказывать одеться!

Я засмеялся, но девочка приняла мой смех на свой счёт и снова обиделась:

– Не нужны мне твои платья! Я буду ходить голой! Я даже бусы сниму, чтобы грудь была виднее! – И показала мне язычок.

Вообще, Ма-Фи стала вести себя уже не как служанка, а почувствовала себя полноправной женой. Стала что-то требовать, учить меня жизни, говорить, что делать, что не делать. Ма-Фи очень красивая женщина, в деревне ещё есть несколько красивых мулаток, но они даже рядом с Ма-Фи не стоят. Но красота хороша только на картинах, но ты живёшь не с картиной, а с живой женщиной и со всеми её тараканами в голове. А у Ма-Фи их было много, очень много. Она очень быстро стала относиться ко мне как к глупому ребёнку, за которым надо постоянно следить, учить, направлять: туда не ходи, сюда не смотри, это не делай, а делай так, как я сказала! И никак иначе, потому что это – плохо! Стала буквально задалбывать своими замечаниями и придирками. Чёрт, у меня так скоро комплекс неполноценности разовьётся! А если что не так, то она сразу обижается и плачет. Говорит, что она так делает, потому что очень любит меня. Мне мама в детстве тоже всегда говорила: «одень шапку!» – по её мнению это тоже высшее проявление любви и заботы! Да я эту шапку ненавидел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.